

ЗЕМЛЯ ЗОМБИ ВОЯЖ ПО ОБЛАСТИ

НВАЭС

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

МАК ШТОРМ

Мак Шторм

Земля зомби. Вояж по области

«Автор»

2021

Мак Шторм

Земля зомби. Вояж по области / Мак Шторм — «Автор», 2021

Третья книга цикла "Земля зомби" Приятелей ожидает поездка по Воронежской области. Посещения различных небольших анклавов с выжившими. Необычные места и новые приключения. Ну и конечно зомби и ужасы, которые принесло миру их появления. Содержит нецензурную брань.

© Мак Шторм, 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1. Картавый ленивец и молодой волк	5
Глава 2. Мёртвый вокзал	15
Глава 3. Больше вопросов чем ответов	26
Глава 4. Возмездие	32
Глава 5. Ранчо	44
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Мак Штурм

Земля зомби. Вояж по области

Глава 1. Картавый ленивец и молодой волк

Подходим с Артёмом к вызывающей у меня подозрение красавицы, я спрашиваю:

– Приветик, что такая красивая девушка делает тут одна, в таком богом забытом месте?

Она, лучезарно улыбнувшись, отвечает мелодичным нежным голосом:

– Я тут укрылась и живу. На самом деле, тут намного безопаснее, чем в большом городе, среди мертвецов и людей.

– Ясно! Значит, живешь тут такая красивая одна, никого не боишься, у тебя всё хорошо, не жизнь, а малина?

Было заметно, что её немного смутил мой нарочито сомнительный тон и вопросы. Но следует отдать ей должное, она быстро взяла себя в руки и ответила:

– Не так всё радужно, но, в целом, живу я тут хорошо.

– Раз у тебя всё хорошо, тогда мы поехали дальше. Хорошего дня!

Секунд десять она растерянно смотрела на нас, потом предложила:

– Мальчики, давайте я вас чаем или кофе угощу, расскажете мне новости и поедете дальше!

Внутренний голос мне настойчиво шепчет, что тут дело нечисто, и стоит взять и уехать прямо сейчас, но любопытство предлагает остаться, решить загадку и понять, в чём скрыт подвох. Это то самое любопытство, уже сгубившее кошку, и которое оставило Варвару на базаре с оторванным носом, берет верх над моей паранойей. Улыбаюсь и говорю:

– Отчаянная ты дама, раз не боишься в такое время приглашать двух вооружённых незнакомцев к себе, чай гонять!

Решив, что своей игрой усыпила нашу бдительность, девушка опять начинает мило улыбаться и продолжает:

– Ну что вы, конечно, боюсь! Просто по вам сразу видно, что вы парни хорошие. Хватит мерзнуть, пойдёмте внутрь, там поговорим.

Разворачивается и идёт первая, игриво повиливая бедрами. Мы с Артёмом переглянулись, я показываю ему знаком быть настороже, и, оглядываясь по сторонам, идём вслед за странной мадам в помещение.

Внутри царит полумрак, почти всё освещение выключено, свет, проникающий через грязные стёкла витрины, не может нормально осветить большой торговый зал. Товар из магазина весь вынесли или переместили в другие помещения, расчистив зал. В дальнем тёмном углу стоит импровизированный стол из поваленного набок холодильника со стеклянной дверью. В другом углу стоит разложенная раскладушка. Хозяйка показывает нам рукой на стол и говорит:

– Мальчики, вы присаживайтесь, а я сейчас поставлю чайник. Вам чай или кофе?

Мы с Артёмом выбираем кофе, она просит немного подождать, объясняя, что всё находится на кухне, и скрывается за дверью, ведущей вглубь здания. Как только её шаги затихли, Артём прошептал:

– Как думаешь, она нам в кофе снотворное добавит или сразу отгавит?

– Хороший вопрос, но кофе я пить не буду. У меня есть подозрения, что она кого-то ждёт. Ты её видел? Вся такая аккуратная, намазюканная. Если сменить камуфляж на платье, то можно её на подиум дефилировать выпускать. Не сходится это с её версией, что она тут

живет одна, как отшельник, спит на задрюпанной раскладушке и радуется жизни. Опять же, разговоры по рации вела, а как только увидела нас, сразу её спрятала.

– Да я примегно о том же подумал. А вдгуг её подельники сейчас за стеной сидят и ждут удобный момент, чтобы напасть на нас?

– Не исключено, но вряд ли. Я думаю, они есть, но не тут, поэтому она и использовала рацию. Ты в любом случае будь наготове, оружие снял с предохранителя?

– Ещё в машине, если ты не заметил. Тепегь вот стоит гядом со стулом, а я боюсь, что случайно угоноу, и мне задницу пгостгелит.

– Молодец. Мой ствол лежит у меня на коленях и смотрит тебе между ног. Поэтому я тоже боюсь, что он может тебе пятую точку простелить или чего-нибудь другое.

– Э, ты охгенел, убеги ствол в дгугую стогону! – испуганно возмутился Артём, пришлось его успокаивать. Говорю, что это шутка, и он у меня не на прицеле.

Из-за двери, куда ушла девушка, послышались шаги. Мы напряженно затихли, готовясь, в случае угрозы, прыгать в разные стороны. Но прыгать и стрелять не пришлось, из-за двери показалась блондинка, неся в руках две кружки с кофе. Вслед за ней никто не выскочил и не начал по нам стрелять. Разжимаю руку, напряженно сжимающую автомат, и кладу её на стол. Блондинка, подойдя к нам, аккуратно ставит по кружке с кофе на стол перед каждым, потом, отодвинув стул, снимает с себя куртку и вешает её на спинку стула. Остаётся в черном облегающем свитере с высоким горлом, который выгодно подчёркивает её груди, приблизительно третьего размера. Несмотря на такие отвлекающие и сбивающие с мысли любого представителя мужского пола обстоятельства, я успеваю заметить толстую чёрную антенну от рации, немного торчащую из внутреннего кармана куртки, прежде чем она повесила её на стул. Усаживаясь с торца стола, девушка оказывается на одинаковом расстоянии от нас. Кокетливо улыбаясь, она говорит:

– Что вы, мальчики, сидите, как каменные истуканы, пейте кофе, пока горячий.

– А мы холодный кофе любим, гогаый не пьём. – отвечает Артём.

Девушка на секунду нахмурилась, но, спустя мгновение, опять лучезарно заулыбалась и, глядя умиленно на Артёма, сказала:

– Ой, как миленько! Обожаю, когда так прикольно картавят! Скажи, пожалуйста: «Паровозик, дыр-дыр-дыр»!

Артём рассерженно огрызается:

– Что ещё за детский сад! Меня один уже успел достать со своим паговозиком, не буду я ничего говогить!

Она явно рассчитывала на другой эффект и начала краснеть от злости, не понимая, почему не действуют её чары. Чтобы нам понравиться, она использовала все свои женские хитрости: продемонстрировала свою красивую, словно резную, фигуру в обтягивающем свитере, так удачно подчеркивающим её прелести, и голос старалась делать как можно более низкий и сексуальный. В другой ситуации мы с Артёмом наверняка уже пустили бы слюни, пожирая её глазами и мысленно перебирая все известные позы Камасутры с её участием. Но ей не повезло, мы успели заметить её говорящей по рации, и теперь пребываем в скептическом настроении. Дабы немного разрядить обстановку, я прерываю тишину и спрашиваю:

– Красавица, курить тут можно?

– Да конечно, курите, если желаете! Для хороших гостей мне ничего не жалко.

– Спасибо. Расскажи о себе, меня прямо раздирает любопытство, такая куколка и сидит одна в глуши. Чем увлекаешься?

Её глаза мечтательно заблестели и, посмотрев на нас странным взглядом, она рассказывает:

– Вы, конечно, думаете, что я обычная «Барби», которой бог дал внешность и обделил всем остальным. На самом деле, это не так и мои увлечения совсем не женские, я обожаю охоту. Вы охотились до того, как всё началось?

Спросила она у меня и Артёма. Получив от нас утвердительные кивки, улыбнувшись своим мыслям, продолжила:

– Тогда вы должны меня понять. Я обожаю идти по следу за добычей. Это непередаваемое чувство, когда кровь кипит от адреналина. Круче ничего в жизни не нашла, а перепробовать я успела многое. Все эти секс, дурь и рок-н-рол – даже рядом на одной полке не стоят с чистым кайфом бурлящего адреналина и загнанным зверем.

Взгляд её глаз изменился, став холодным, как лёд, и колючим. Посмотрев на нас поочередно, она добавила:

– Если бы вы были зверьми, то картавый был бы ленивцем из «Ледникового периода», а ты, с грязной шеей, похож на молодого волка.

Объявила мне это Барби, смотря на меня странным прищуренным взглядом, как будто через прицел винтовки. Я чуть не поперхнулся сигаретным дымом от таких заявлений и её странного взгляда. В повисший тишине послышался какой-то знакомый нарастающий звук. Спустя мгновение я осознал, что это звуки работающих автомобильных двигателей, которые приближались к нам с противоположной стороны железнодорожного переезда. В такие совпадения я не верю, поэтому спрашиваю у блондинки:

– Ты ждёшь гостей?

Её глаза блестели, как у наркомана, она посмотрела на меня и ответила:

– Нет.

Мы с Артёмом переглянулись, подумав о том, что это враньё. Сюда едут её знакомые, явно по наши души. Артём посмотрел на неё и потребовал:

– Хватит устгаивать театр одного актёра! Говоги быстго, кто это сюда пгиближается на машинах, иначе нос на бок свегну!

Посмотрев на него без тени малейшего страха, она с улыбкой произнесла:

– А ты забавный, картавый ленивец, тебя я оставлю на потом.

Не успели мы опомниться, как она внезапно вскочила и со всех ног побежала к двери, ведущей на улицу. Я схватил стеклянную кружку с кофе и, что есть силы, запустил в неё, целясь ей в голову, но не рассчитал, и кружка попала убегающей блондинке по мягкому месту, заставив её коротко вскрикнуть от неожиданности и ускорить и без того быстрый бег. Выбежав на улицу в одном свитере, без куртки, она устремила навстречу приближающимся автомобилям. Я прокричал Артёму:

– Быстро валим отсюда, пока не поздно, через запасной выход!

Подхватив свои рюкзаки и оружие, забегаем в дверь, которая ведёт вглубь здания. Свет везде выключен, ничего невидно, включаем подствольные фонари на автоматах и начинаем метаться по всему зданию, теряя драгоценные секунды в поисках запасного выхода. Различные комнаты, заваленные всяким хламом, бегаем, спотыкаясь через него. Мне повезло, я нашел кухню, тут было большое окно. Крикнув Артёму, чтобы бежал ко мне, разбиваю его прикладом автомата и выбираюсь наружу. Следом за мной на улицу из разбитого окна вылезает Артём, и мы со всех ног, петляя как зайцы, бежим к виднеющейся впереди лесопосадке. Когда до неё осталось буквально метров десять, сзади раздались выстрелы и знакомый женский голос прокричал нам вслед:

– Бегите, картавый ленивец и молодой волк, бегите! От опытных охотников вам не скрыться!

Её слова тут же заглушили множественные выстрелы, а издававшие свист у нас над головами пули прибавили нам сил и прыти. Уже спустя десять секунд мы, пригибаясь к земле,

ломились через лесополосу, как стадо кабанов, не разбирая ничего на своём пути, сквозь кусты, уворачиваясь только от деревьев.

Забежав вглубь лесополосы, мы, спрятавшись за деревьями, остановились перевести дыхание от внезапного скоростного забега наперегонки со смертью. Сердце бешено стучало и, казалось, в любой момент, могло выскочить из груди. От адреналина руки тряслись, как у запойного алкоголика, которому остро необходимо похмелиться. Я выругался матом, пытаюсь удержать в руках бинокль, чтобы изображение не прыгало. Когда мне это всё же удалось, я повторно выругался матом:

– Всё настолько хреново? – тяжело дыша, спросил Артём.

– Всё еще хуже, мне пока не хватает дыхания, чтобы выдать длинную матерную тираду, полностью описывающую ситуацию!

– Не томи, говори уже, что там!

– Три машины, внедорожники, неплохо затюненые, и человек шесть с оружием. Что-то подсказывает мне, ребятам нравится охота, особенно на людей, а мы с тобой, картавый ленивец, теперь желанные трофеи!

– Хген им по всей могде! Ещё посмотрим, кто из нас настоящий охотник, а кто пивык отстгеливать безобидных людей. Давай сделаем по паге выстгелов в их стогону, чтобы они внаглуу не лезли за нами, и побежали дальше.

Аккуратно высунув голову из-за дерева, стреляю, целясь по скоплению людей, стоявших у машин. Они сразу падают на землю и ползком убираются с линии огня за укрытия, открывая оттуда ответную стрельбу, в нашу сторону. Подождав минуту, пока выстрелы прекратятся, мы срываемся на бег, углубляясь в лесополосу.

Спустя двадцать минут забега между деревьев, останавливаемся в небольшом овраге, перевести дыхание и обдумать дальнейший план действий. Спрашиваю у Артёма:

– Как ты думаешь, они хотели нас теплыми взять, напоив кофеём со снотворным?

– Тяжело сказать. Думаю, не зависимо от их изначальных планов, финал иггы один: мы убегаем от охотников. Только, скогее всего, если бы мы выпили кофе, то бежали бы належке, без огужия и пгипасов. А так выиггали себе фогу, но, увеген на сто пгоцентов, они будут нас пгеследовать. Главное, чтобы у них не было собак.

– Да, ты прав. Видел, как заблестели глаза той мрази, когда она начала разговор про охоту и давать нам прозвища различных зверей? Повезло ей, что прыткая оказалась, а то бы стала у меня анакондой.

Арте́м с интересом посмотрел на меня и, улыбаясь, сказал:

– Даже стесняюсь спгосить, будь у тебя возможность, что бы ты заставил её заглатьывать?

– Я понимаю твои пошлые намёки, деваха с виду, конечно, вся ладная, но под красивой оберткой скрывалась какашка. Она бы у меня лампочку заглотила, а потом ты как раз выполнил бы свою угрозу и сломал ей нос, чтобы, тварь, подыхала, задыхаясь в судорогах.

– Ну ты звегюга! Мне даже стгашно сейчас стало с тобой тут в лесу одному находиться.

– О, кстати, вспомнил тут. Как-то раз в лесу одна картавая мадам у меня так хорошо заглотила, все картавые так умеют?

– Очень смешно. Тебе что, Кузьмич половым путем пегедал своё отвгатительное чувство юмога?

– Ладно, шучу, давай думать, как нам дальше быть.

– За основную вегсию бегем, что они будут нас пгеследовать? Или охотиться на нас, что в пгинципе гавнозначно в данной ситуации.

– Да, будем отталкиваться от того, что за нами началась настоящая охота.

– Тогда нам нужно отгываться от погони.

– Может, устроим им засаду?

– Нет, это плохая идея. Даже если мы подстгелим одного-двух, их всё гавно больше, и нас пегестгеляют, зажав с двух сторон. Опять же, мы не знаем, кто они и что у них есть. Как минимум есть хогошо подготовленные машины и, скогее всего, знание местности. Не исключено, что у них имеются всякие игтухи-поггемухи, типа тепловизогов и ночных пгицелов.

– Да, это нам сильно осложнит жизнь. В темноте мы для них будем как безобидные слепые котятка.

– Значит, бежать пгосто впегёд, без знания местности, глупо – они газделятся и, пока одни, газвегнувшись цепью, будут гнать нас, идя по следу, другие пгоедут на машинах впёгед и займут позиции, поджидая, пока мы сами на них выйдем.

– Тёма, скажи «всё равно».

Артем, рассуждавший на серьёзные темы и не ожидавший подвоха, не раздумывая произнёс:

– Всё гавно.

Я не смог сдержать хохот, его картавость изменяла безобидную фразу до неузнаваемости. Артем, осознав, в чём дело, разразился:

– Ты геально стал как Кузьмич! Нашел время для шуток! Я могу говогить фгазами без использования этой пгоклятой буквы.

– Извини, просто это слишком смешно звучало! У тебя есть мысли, что нам делать, чтобы не стать трофеями?

– Да, нам нужно сделать то, что от нас, меньше всего ожидают. Есть одна задумка, делай, что я скажу, надеюсь, получится их облапошить и спасти наши жизни. – проговорил Артём, старательно выбирая слова, в которых не задействована, коварная буква Р. Не соврал, действительно может, правда, заметно, что он тщательно подбирает слова прежде, чем их произнести.

Начинаем двигаться дальше, вперёд, стараясь удалиться от преследования. Артём сказал, чтобы я шёл по его следам, след в след. С учетом, что у меня обувь на один размер больше, то я полностью перекрывал его след своим и создавалось впечатление, как будто я шел один. Правда, я не понимал какой в этом смысл, всё равно на выходе из оврага, где мы переводили дух, было видно, что два следа превращаются в один, поэтому самый последний тупица догадается, что мы пошли след в след, а не испарился внезапно один из нас. Но Артём, в отместку на мою шутку, не стал объяснять свою задумку, поэтому я шёл за ним молча.

Так, бредя по лесу, по следам Артема, я начал думать о людях, от которых мы сейчас удирали. Если, конечно, эту компашку можно назвать людьми. Способов получить адреналин – море – для этого совсем не обязательно начинать охоту на выживших людей. Можно охотиться на зомби, мало одного – попробуй положить толпу каким-нибудь топором, адреналин гарантирован. Но их, видите ли, это не вставляет. Хотя, охота на живых людей – это не свежезародившаяся забава. Такое практиковалось давно и во все времена.

В последнее десятилетие в мире было много горячих точек. Люди воевали зачастую сами не зная, за что. Где-то наверху начинали делить сферы влияния, на кону стояли природные богатства страны, такие, как нефть и золото. Дальше обычных людей сталкивали лбами, для этого даже не нужен был реальный повод. Можно было сказать: «Враги оскорбили нашего бога», «У них нет демократии, жёсткий тиран и диктатор мучает бедный народ». Поводов для начала заварушки было много, правда, все, как один, надуманные и бредовые. Это если верить дурацкому телевизору, обычный американский фермер не может спокойно уснуть, так сильно его одолевает желание поучаствовать в войне с простым русским рабочим. В США было всё то же самое, все средства массовой информации внушали доверчивым дурням, что в России каждый человек мечтает взять в руки автомат Калашникова и перестрелять всех американцев. Кто имел голову на плечах, тот прекрасно понимал, что всё это – полная чушь. Обычный человек, в какой стране он бы не жил, мечтает совсем о другом. Русский и Американец хотят свой просторный дом, вкусно кушать, хорошую машину, красивую жену, чтобы жить с ней в

радости и растить детей, а не сдохнуть на чужой земле за непонятно чьи интересы, в обнимку с автоматом.

Поскольку во всех правилах бывают исключения, тут тоже без него не обошлось. Если большинство людей, пребывая в здравом уме, никогда не хотело войны, то ей в противовес был небольшой процент людей, которому она нравилась. Одни просто жили войной, не представляя себя в мирной жизни, и быстро там себя теряли, спиваясь. Другие получали удовольствие от всей грязи, боли и страданий, которые несла с собой война.

Наши преследователи были больше похожи на другой вид – любителей крови и адреналина. Уже давно мелькали подобные темы, сначала на грани слухов, позже стали появляться признания и интервью участников, а также статьи в официальных СМИ. И появился термин «чёрный туризм», так обычно обозначают путешествия людей в места, так или иначе ассоциирующиеся со смертью, болью и страданиями. Он делился на разные подгруппы. Одним просто нужно щекотать нервы, находясь в стране, где очень опасно, другие за деньги убивали, с наслаждением стреляли по людям. Не нужно их путать с наёмниками. «Солдатам удачи» деньги платили за то, что их нанимали. Черные туристы, наоборот, сами платили деньги за возможность примкнуть к одной из сторон конфликта и убивать. Как правило, туры длились недолго, пару дней, максимум неделя.

Такие черные туристы всегда находили, где можно за деньги пострелять в людей. В Африке за большие деньги устраивали сафари, только вместо зверей охота велась на людей. Еще одна популярная тема под названием «Военно-морской круиз» – за немалую сумму вечнозелёных проплыть на судне по маршруту, где кишели пираты. Устроители гарантировали нападение пиратов, а если его всё же не случится, то обещали вернуть половину суммы. И теперь эти самые любители пострелять по людям активировались по всему свету. Платить уже никому ничего ненужно, ехать за тридевять земель – тоже. Находи жертву и развлекайся.

Артем, шагавший впереди меня, повернул направо, по направлению к железной дороге, потом внезапно остановился и произнес:

– Тихо! Слышишь?

Я замер и прислушался. Откуда-то сзади раздавался звук работающего двигателя. Отвечаю ему:

– Да, слышу, вроде машина на небольшой скорости едет, в нашем направлении.

– Не знаю, кто это, наши преследователи или вообще другие люди, но будем думать, что это по нашу душу. Поэтому прибавляем шаг, нам нужно быстрее выйти на железку, чтобы осуществить мой замысел. – поделился мыслями Артём и ускорил темп.

До железнодорожного полотна мы дошли за десять минут, быстрым шагом. Прежде чем выйти на открытое пространство, к рельсам, мы минут десять стояли на краю лесопосадки, прислушиваясь и осматривая всё в бинокль. Преследователей нам не удалось обнаружить. Я спрашиваю:

– Что дальше?

– Дальше – интегеснее, нам пгидётся газделиться. Слушай внимательно и запоминай. Сейчас мы так же, след в след, идём до самих гельс, потом ты становишься ногами на гельсы и делаешь чetyге шага по напгавлению впегёд. Обязательно сильно топая ногой и на пагу секунд фиксигуя её на гельсе. Это нужно, чтобы на полотне остался след. Снег из пготектога ботинка пгопечатается и укажет им, что мы пошли дальше, впегёд, но уже по гельсам. Ты же, сделав чetyге шага с отпечатками, аккугатно с моей помощью газвегнешься и, пегешагнув эти отпечатки, пойдёшь в дугую стогону, назад. А я, тоже сделав отпечатки, пойду впегед по гельсам и метгов чегез двести опять уйду в лес.

– Что-то слишком запутано, не могу понять, что ты задумал.

– Да всё пгосто. Мы специально шли след в след, чтобы они не видели две пагы следов, но, в то же время, они знают, что по одним следам идут двое, так?

– Да, всё верно, уверен, что они это сразу поняли, если кто-то из них идёт по нашим следам.

– Я тоже так думаю, ещё, навечно, и посмеялись над наивными дугаками. Поэтому я специально погйду по гельсам недалеко и опять уйду на снег, чтобы снова появился след. Они его быстро найдут и гешат, что мы и дальше идём вдвоём по одному следу. Увеген, опять будут гжать, думая, что это была наивная попытка обогать след. А самое главное – они, найдя впе- геди следы, где я сошел с гельс, не станут пговегать и идти вдоль гельс в дугую стогону и ненайдут место, где ты сойдёшь.

– Да, действительно, я бы на их месте так и подумал, что это нелепая попытка сбросить хвост, и пошел бы по твоему следу.

– Будем надеяться, что и они тоже так подумают. Сейчас у нас 17:20, значит, я их буду водить до утга, а утгом, в 9 часов, выведу на точку, котоую мы обозначили, как место сбога, запомнил?

– Да, в 9 утра, ты выйдешь к заброшенной деревне, что в 10 километрах отсюда.

– Всё пгавильно, главное – ничего не пегепутай. Твоя задача – пойти по гельсам метгов пятьсот и уйти от них. Сначала в стогону, естественно, не в ту, по котогой мы сюда шли чегез лес, а в дугую, а то столкнешься нос к носу с пгследователями, и аккугатно вегнуться назад, пговерить, что никого нет, забгать машину, на ней доехать до пагней и выдвинуться к точке сбора, и устроить там засаду на пгследователей. Всё понятно, ничего не пегепутаешь?

– Да, всё понятно. Возвращаюсь назад, забираю машину, еду к нашим оболтусам, ввожу их в курс дела, и едем к заброшенной деревне. Недалеко от неё прячем машины и пешком, стараясь не наследить, занимаем позиции, готова теплый приём нашим охотникам. Всё верно?

– Да, ещё важный момент: нужно полное молчание в эфиге. Даже когда вы меня увидите, идущего через дегевню – чтобы ни звука. Особенно Кузьмичу это скажи, желательно газ пять. Я погйду мимо и тоже займу позицию, когда они пгиблизится, я сам подам по гагии команду откгыть огонь.

– Хорошо, я всё понял. Тёма, ты молодец, я бы до такого точно не додумался, должно выгореть.

– Ну, тогда начинаем. – сказал Артём и направился быстрым шагом к рельсам, я пошел за ним следом.

Подойдя вплотную к железнодорожному полотну, он встал на рельсы. Я, пройдя по его следам, тоже встал на них и, как он просил, сделал четыре шага вперёд, специально с силой опуская ногу при каждом шаге, чтобы снег выскочил из протектора ботинка и остался лежать на блестящей металлической поверхности рельсы.

Артём тем временем слез обратно на снег, аккуратно ставя ноги в оставленные нами следы и застыл в ожидании меня. Я, пройдя четыре шага вперед, развернулся и, аккуратно ставя ноги между своими следами, пошел обратно. Артём подал мне руку, чтобы я не осту- пился и не нарушил снежный покров, а вместе с ним и задуманный нами план. Пройдя мимо Артема, останавливаюсь и оборачиваюсь. Артём, придирчиво осмотрев рельсы, смахнул пару найденных им снежных отпечатков, оставленных моими ботинками на обратном пути. После он тоже встал на рельсы и, сильно топая ногами, сделал шагов шесть. Остановившись, придир- чиво осмотрел оставленные снежные следы и, видимо, довольный результатом, произнес:

– Всё, надо быстро действовать, а то стоим тут на откгытой местности, как мишени в тиге. Делай четыгеста шагов и уходи налево.

– Хорошо, ты, главное, сам держи ушки на макушки. Сейчас вся охота начнётся на тебя. Если с тобой что случится, меня твоя жена застрелит, а Кузьмич ей в этом поможет.

– Хген этим угодам, а не мои гога на тгофей! Это им не по туземцам безнаказанно со снайпегки издалека стгелять. Или обычного гогодского жителя гонять по лесу. Я с Калача, а в Калаче у нас нгавы суговые, потом гасскажу.

– Хорошо, удачи тебе.

– И тебе.

Пожелав друг другу удачи, расходимся в разные стороны, шагая, как в детстве, по рельсе.

Иду, периодически останавливаясь и внимательно осматривая окрестности через бинокль. Периодически оборачиваюсь, посмотреть на удаляющегося от меня Артёма. Примерно минут через пятнадцать он ушел обратно в лесополосу, откуда мы с ним, вышли до этого, и я остался один на железнодорожном пути, стало неудобно. Сразу появилось ощущение, что враги уже держат меня на прицеле и, вообще, скрываются за каждым кустом. Спустя еще минут десять, я наконец-то прошел эти злосчастные пятьсот метров и покинул железнодорожную насыпь, уходя налево. На всякий случай, свои следы на снегу разравнивал перчаткой. Конечно, если на них смотреть вплотную, то сразу становится понятно, что снежный покров был нарушен и искусственно выровнен, но если смотреть через оптику, то не заметно, и ничего не бросается в глаза.

С той стороны железной дороги лес занимал обширную площадь и был довольно густой. Сейчас на моей стороне была жиденькая лесополоса, которая разделяла железнодорожные пути и автомобильную дорогу. За дорогой шли бесконечные поля, разделённые на огромные квадраты деревьями. Передо мной встала дилемма, где мне идти: по жидкой лесополосе, которая даёт хоть и минимальное, но всё же укрытие, или уйти сначала глубоко в поле, и там уже двигаться назад, к своей цели.

Моё внимание привлекает что-то яркое, мелькнувшее впереди. Направляю туда бинокль и вижу зомби в ярко-оранжевой жилетке железнодорожника, её яркий цвет и привлек моё внимание. Только мертвый железнодорожник оказался не один, с ним была большая компания товарищей по несчастью, просто их одежда была не такая броская, поэтому издалека они были не так заметны, как приятель в ярком жилете. Если одного, максимум двух, я бы смог убить по-тихому и без риска, то такую толпу не получится. Значит, остаётся вариант углубляться в поля и по ним возвращаться назад.

Ещё раз осмотрев окрестности в бинокль, и, кроме зомби, никого не обнаружив, покидаю лесополосу, идя пятой точкой вперед, согнувшись и разравнивая перчатками свои следы на снегу. Углубившись в поле метров на пятьдесят, с облегчением разгибаюсь, развернувшись, перехожу на бег.

Добежав до конца поля и войдя в полосу деревьев и кустов, отделяющих это поле от соседних, останавливаюсь перевести дыхание. Присаживаюсь, облокотившись спиной о дерево, и сижу так, пока не восстановится дыхание. После достаю из рюкзака флягу с водой и, сделав пару глотков, продолжаю движение. Медленно иду, внимательно прислушиваясь к звукам и периодически делая остановки, осматривая местность в бинокль. Пройдя вперед и поравнявшись с тем местом, где мною были замечены зомби, останавливаюсь и пытаюсь рассмотреть в бинокль с этого ракурса, что там происходит.

Теперь нас не разделят множество деревьев – между нами только поле и дорога, поэтому сейчас я вижу полную картину, а не только мелькающих между деревьев многочисленных зомби. В лесу стоит большой автобус. Скорее всего, когда всё началось, он по какой-то причине слетел с дороги и на большой скорости протаранил деревья. Рядом с ним замерли два автомобиля «скорой помощи» и одна газель, принадлежащая, судя по её расцветке, МЧСникам. Картина была уже привычной, и восстановить происходящие тут события не составило большого труда.

Автобус с людьми ехал, как всегда, по привычному маршруту. Внутри были укушенные пассажиры, которые начали обращаться в зомби, и, напав на водителя, спровоцировали аварию. А может, и сам водитель где-то в городе успел получить укус, но, не зная ситуации, просто облив рану перекисью и замотав бинтом, продолжил работу, пока не превратился в монстра. Ну, а дальше, как всегда, на крупную автокатастрофу с пассажирским автобусом приехали

медики и спасатели, которые тоже пребывали в полном неведении о том, что происходит на самом деле, и почти все погибли в первые часы на работе, разрываемые вызовами, а потом красноглазыми жуткими монстрами. Вот теперь и ходят там большой толпой, ставшие зомбаками, пассажиры автобуса, медики, спасатели и прочие случайные зеваки, как зомби в жилетке железнодорожника, который пришел помочь людям или просто поглазеть на аварию.

Дополняло эту страшную картину, состоящую из разбитого автобуса и брошенных рядом с ним автомобилей спецслужб, с толпой зомби, бесцельно бродящих вокруг них, слабо колышущееся на ветру тело повесившегося человека в петле из ремня, привязанного к толстой ветке дерева. Судя по всему, один «счастливчик» сумел в начавшемся безумии избежать укусов и залезть на пожарную машину. Неизвестно, сколько ему пришлось на ней сидеть, надеясь на помощь, в окружении тварей, обступивших его плотным кольцом. Видимо, долго сидел, раз психика не выдержала, и он решил, что повеситься на собственном ремне будет единственным выходом.

Хоть я уже и привык к подобным картинам, всё равно, настроение каждый раз ухудшалось, стоило увидеть подобное. Не сказать, что оно у меня, до этого было радостное, с учётом обстоятельств, загнавших меня в это поле, но после увиденного, на душе появилась грусть и тоска. Всю жизнь думал, что не люблю людей, даже работу всегда искал, чтобы было минимум контактов с людьми, отдавая своё предпочтение технике, а теперь, когда большинство людей погибло, превратившись в монстров, их стало жалко, и пришло осознание что, кто бы чего не думал, человек – существо социальное и ему тяжело жить без окружения других людей. И дело не в материальном или физическом аспекте, тяжесть заключается в образовавшемся вакууме общения и появившемся чувстве пустоты. Раньше, сам того не замечая, всё равно общался с большим количеством людей. Пускай, в большинстве случаев, через сообщения в соцсетях, но это не отменяет того факта, что общение было, а теперь стала ощущаться его острая нехватка.

Что-то тоска накатила в этот раз внезапно и сильно. Так можно и закончить на минорной ноте, как тот бедолага, висящий сейчас на ветке, на собственном ремне. К черту все эти сопли, самоубийство – выбор слабаков. И вообще, мысли пошли куда-то не туда, уже о самоубийстве подумал. Надо не фигню всякую думать, а идти к цели, причем делать это аккуратно и внимательно. Если витать в облаках, то до самоубийства дело не дойдет – быстрее «добрые люди» помогут.

Прогнав все ненужные и даже опасные мысли из головы, я продолжил свой путь. Пару раз мне слышались звуки в лесу, который находился от меня через железную дорогу и по которому мы с Артёмом убегали. Тогда я мгновенно падал в снег и нагребал руками перед собой небольшой сугроб. Скрываясь за ним, подолгу лежал и напряженно вслушивался, пытаюсь понять, действительно что-то услышал или это моя паранойя шалит. К однозначному ответу на этот вопрос прийти не смог. С одной стороны, лес был далеко от меня, его отделяло целое поле, дорога и железнодорожные пути. С другой стороны, когда стоит такая мертвая тишина, звуки разносятся далеко. Поэтому, как говорил один мой знакомый, «Лучше перебздеть, чем недобздеть». Эта вульгарная фраза сейчас как нельзя лучше подходит к данной ситуации.

Зато звук едущей машины я услышал издали и сразу лег, и окопался, чтобы меня не заметили. Когда звук автомобиля миновал меня, я немного приподнял голову и увидел одну из машин наших преследователей. Этот красный пикап на больших колесах, со множеством фар на блестящем кенгурятнике, я хорошо запомнил. Вжавшись обратно в снег, я мысленно похвалил себя за то, что, переходя дорогу и идя по полю, затёр свои следы перчаткой. При движении на машине, они их точно не заметят, а так бы уже через десять минут за мной по моим же следам началась погоня.

Подождав, когда шум мотора затихнет вдалеке, я встал, отряхнулся и продолжил движение. Периодически останавливаясь, осматривая окрестности в бинокль и прислушиваясь, я

шел к месту стоянки второго броневика. Дорога назад заняла в два раза больше времени из-за того, что идти приходилось осторожно, выискивая возможную угрозу, затаившуюся впереди, и обходить по полям, делая большой крюк, то место, откуда мы с Артёмом спасались бегством. Когда я наконец добрался до места, где нас ожидали товарищи, то еле волочил ноги от усталости. Поход и забеги по глубокому снегу, сопряженные с нервным напряжением, отнимали много сил.

Глава 2. Мёртвый вокзал

Стоило мне подойти к товарищам, как Кузьмич взволновано напал с расспросами:

– Чё там у вас случилось и где картавый?! Мы слышали стрельбу, но, исполняя ваши указания, сидели тут, не рыпаясь. У меня от волнения даже бухло не лезет! Скажи, что с картавым всё нормально.

– С Артёмом всё нормально. Он не пальцем делан, и сейчас водит этих чертей кругами по лесу. А теперь, дай мне что-нибудь горячительного хлебнуть, раз тебе не лезет, то мне в жилу пойдёт. Нужно немного согреться и расслабиться, а то нервы натянуты, как струны у гитары.

– Каких еще чертей? Рассказывай давай, а то мы не знаем, что и думать после того, как вы уехали и началась пальба.

– Наши подозрения были не напрасны, эта красавица была приманкой для доверчивых путников, оказавшихся на этой дороге. А дальше к делу подключались её дружки, которые вместе с этой тварью обожают охоту, только вместо дичи предпочитают людей. Вот они и открыли стрельбу по нам с Артёмом, когда мы увидели приближающиеся машины и побежали в лесопосадку. Нам повезло, вовремя встали на лыжи и дали дёру. Если бы прощелкали хлебалом ещё немного, то вряд ли мы бы увиделись, по крайней мере, в людском обличии точно.

– Вот мрази, да я их голыми руками порву! С картавым точно всё нормально?

– Кузьмич, сколько тебе надо раз сказать, чтобы ты понял? Да, с ним всё нормально, он на ходу придумал хороший план, благодаря которому я сейчас тут, а преследователи будут бегать за ним по лесу, думая, что гоняют нас двоих.

– Пряма камень с души упал. Тогда чего мы ждём? Поехали быстрее спасать картавого и мочить этих упырей!

Было видно, что все действительно сильно переживали, сидя тут и пребывая в полном неведении о происходящем. А Кузьмич, так вообще, был на взводе, бегал туда-сюда и размахивал руками, находясь на грани нервного срыва. Говорю ему:

– Не мельтеши перед глазами и дай, наконец, что-нибудь хлебнуть. Спасать, безусловно, поедем, но не прямо сейчас, сломя голову, а не спеша и следуя чёткому плану, который, кстати, разработал твой друг и просил соблюдать. Особенно он заострил внимание на том, чтобы соблюдал его ты!

Польщённый тем, что даже в такой ситуации его лучший друг выделил его из всех, Кузьмич, наконец, расслабился, и на его лице появилась улыбка. Извлекая флягу из-за пазухи, он проговорил:

– Дайка я угадаю, картавый про меня сказал что-то нехорошее и матом?

– Не угадал, он просто попросил именно тебе повторить раза три, а лучше пять, чтобы чётко следовал плану. Сказал, что другие и с первого раза это поймут, а ты – точно нет.

Кузьмич широко заулыбался, позабыв о том, что всего минуту назад рассказывал, что ему от волнения даже выпивать не хочется, присосался к фляжке, которую достал, вроде как, для меня. Сделав три мощных глотка, вытер рот рукавом и, блаженно крякнув, произнёс тост:

– За тебя, картавый, чтобы у тебя всё получилось, а мы будем следовать твоему плану.

– В его плане не было пункта о том, что ты нагло пьёшь алкоголь, который вроде бы предназначался для меня. – говорю Кузьмичу, который сразу стал веселым и жизнерадостным, как только понял, что его друг в порядке, и отнимаю у него флягу. Делаю пару больших глотков, и у меня перехватывает дыхание, глаза начинают лезть на лоб.

Не знаю, чем он руководствуется, каждый раз наполняя фляжки разными напитками. В этот раз его душа, видать, тосковала по самогону, причем очень ядрёному. После двух глотков

я еле смог вздохнуть, а внутренности жгло как огнём. Уверен, это презент от бабули, выгнанный для личного пользования, с любовью. Кузьмич, внимательно наблюдая за мной, начинает смеяться, вынув из кармана мятный леденец, протягивает его мне, говоря:

– Выдыхай, бобёр! И, на вот, конфетку закуси.

Выдохнув пару раз, беру протянутую карамельку, развернув фантик, закидываю её в рот. Никогда не любил мятные леденцы, но после обжигающе крепкого самогона конфетка показалась очень вкусной. Дождавшись, когда жжение от ядрёного самогона прекратится, выплёвываю конфетку и с наслаждением закурываю сигарету. Наблюдая, как выдыхаемый дым сносит в сторону ветер, сообщаю:

– Слушайте план действий, орлы. Артём выйдет к месту, где мы должны сидеть в засаде, только к утру. Времени еще много, поэтому предлагаю пока сделать разведку магазина, где у них временная база. Может, найдём что интересного.

Возражений не последовало и все начали собираться в дорогу. Машина была и так хорошо спрятана, поэтому перегонять её не было смысла. От места стоянки до магазина у железнодорожного переезда было около пяти километров, расстояние небольшое и преодолеть должны его быстро.

Через пять минут сборы были закончены, и все столпились вокруг меня, ожидая указаний. Внимательно проверяю каждого, чтобы не забыли рюкзаки, бронежилеты и оружие. Думаю, что пора уже Алёшеньку обучать владению огнестрельным оружием, а то с кувалдой в руках он слишком дико выглядит. В памяти всплыла старая компьютерная игра моей юности. Был там один персонаж с кувалдой, дикарь по имени Сулик, только всего его называли Сусликом. В той игре цивилизации, кстати, тоже настал конец. Только времени прошло гораздо больше и люди успели одичать. Прогнав ненужные воспоминания, говорю:

– Всё, молодцы, идем аккуратно, стараясь использовать любое деревце как укрытие, примерно за полкилометра до магазина делаем остановку. Внимательно осматриваем всё в бинокль, нужно понять, есть кто внутри или все свалили на охоту. Рациями не пользоваться, режим полного радиомолчания.

Подождав, пока все утвердительно кивнули, обозначив тем самым, что хорошо меня поняли, продолжил говорить:

– Теперь по ролям. Я иду первый, замыкающий – Кузьмич. Поскольку наш штатный снайпер, с дефектами речи, наслаждается природой, гуляя по лесу, назначаю на время его отсутствия нового. Витя, бери СВД, считай, всю жизнь в очках ходишь, поэтому к твоим двум прицелам добавляется еще один. Берсерк и Кирилл, в любой непонятной ситуации сразу падаете на землю, не дожидаясь команды от меня. А когда упали, то Кирилл действует как все. Если все стреляют, то он тоже стреляет, если все прячутся, вжимаясь в укрытия, то Кирилл тоже вжимается в укрытие. А Берсерк всегда, в любой непонятной ситуации, падает и вжимается в укрытие. Это понятно?

Все в очередной раз подтвердили, что хорошо поняли мои слова, Кузьмич сделал это особенно красочно, вплетя длинную метёную тираду. Её смысл был в том, что уже давно были бы на месте, а мы всё разговоры говорим. Я с ним был почти согласен, но стоило учитывать, что в отряде были совсем необстрелянные молодые люди, и, если за них всё не продумать, то может случиться трагедия.

Закончив с инструктажем, начинаем движение, идя друг за другом, держа интервал в метр. Стараясь, чтобы нас не обнаружили, иду через лесополосу вдоль железнодорожных путей. Она, конечно, жидковата, менее десяти метров, но всё лучше, чем идти по дороге. Там нас было бы видно издали, а я что-то не хочу быть отличной ростовой мишенью для любого желающего. Как показывает практика, желающих пострелять по людям в последнее время развелось немало. Как там говорится в одной известной и классной игре: «Астрологи объявили

неделю чумы». А сейчас у меня складывается стойкое ощущение, что те самые астрологи объявили сразу лет на десять беспричинную стрельбу друг по другу.

Так, гоняя на ходу всякие разные мысли, я шёл по лесополосе, пока взгляд не зацепился за что-то, чего в лесу быть недолжно. Резко остановился и, подняв руку вверх, приседаю на одно колено, все, кто шёл сзади, повторяют моё движение, опускаясь на одно колено, послышались щелчки предохранителей на автоматах.

Впереди, среди деревьев, валялся чемодан на колёсиках, такие обычно люди берут с собой в дальние поездки по стране или за границу. Где-нибудь в аэропорту он был бы вполне уместен, там каждый пассажир за собой катил такой, но в лесу он вызывал настороженность и много вопросов. А так, это был вполне обычный чемодан, средних размеров, синего цвета в чёрную клеточку. Сейчас он лежал на боку, маленькими черными колёсиками ко мне. Присмотревшись внимательно, я обнаружил, что чуть дальше из-за дерева торчали ноги. Понять, кто там валялся: человек или зомби – по ногам было невозможно. Но то, что обладатель ног был мёртв, это точно, слишком неестественно они лежали. Осторожно отхожу назад и тихим голосом говорю:

– Не знаю, что там дальше, впереди, но стрелять нельзя, только в самом крайнем случае, если столкнемся с живыми вооружёнными людьми. С зомби придётся разбираться по-тихому, либо убегать, если их окажется слишком много. Будьте аккуратны и слушайте меня, я, по ситуации, дам команду.

Проведя краткий инструктаж и призвав всех к повышенной внимательности, начинаем продвигаться дальше вперёд. Пройдя мимо чемодана и держа наготове нож, я, первым делом, осторожно выглянул из-за дерева. Обладателем ног оказался молодой парень, уже давно мертвый, но не обращённый в зомби. Осмотрев округу и не найдя поблизости больше ничего подозрительного, подхожу к нему и, присев рядом, внимательно осматриваю труп. Его левый бок был весь в запёкшейся крови, сквозь разорванную одежду на теле виднелась глубокая рана. Я не судмедэксперт, поэтому понять, чем такую могли нанести, не смог. Ясно одно – причиной смерти стала потеря крови, а значит это не укус и не огнестрельное ранение. А самое главное – тело лежит давно, может быть, даже с первых дней. Это значит, что можно немного расслабиться и продолжать движение дальше.

Возвращаюсь к чемодану и аккуратно поднимаю его. Чемодан нетронутый, выходит, убили его, не пытаюсь ограбить. Вскрывать не стал, копаться в носках и трусах мертвеца не было ни малейшего желания. Всякие патроны, гранаты и прочие нужные вещи там точно не будут лежать, человек его собирал еще в мирное время, скорее всего, для поездки на поезде. Поэтому, оставив чемодан сиротливо и нелепо стоять среди леса, недалеко от трупа своего бывшего хозяина, иду дальше.

Пройдя еще сто метров вперед, обнаруживаю очередную страшную находку. На этот раз умерший был без чемодана. Тело немного полноватого мужчины, лет около пятидесяти, было целое, чего не скажешь о его ногах. Обе ноги ниже колена, имели страшные открытые переломы с торчащими из лохмотьев посеребрившегося мяса, пожелтевшими костями. Следов не было видно, прошло немало времени с момента смерти, но судя по ободранным ногтям на пальцах рук, с застрявшей под ними землей, прежде чем умереть, он сумел доползти сюда сам. Что же там такое произошло впереди? Стали одолевать плохие предчувствия, но выбора нет и надо продолжать двигаться вперед.

По мере продвижения, страшных находок становилось всё больше, мертвые люди с различными ранами и повреждениями на телах стали попадаться всё чаще. В какой-то момент впереди показалось здание вокзала, с перронами по обе стороны железной дороги. Картина, представшая пред нами, превзошла многое виданное нами до этого. Кирилла сразу скрутило, и он мощным фонтаном выплёскивал содержимое желудка на землю. Витя снял запотевшие от волнения очки, начал протирать их молча. Берсерк стоял в ужасе и растерянно хлопал глазами.

А мы на пару с Кузьмичом грязно выругались, как могут ругаться только люди, выросшие на самых окраинах города, в момент глубокого потрясения. Кузьмич полез за пазуху и достал оттуда флягу. Смотря, как он жадно глотает содержимое, я попросил:

– И мне дай, надеюсь, у тебя там тот же ядрёный самогон, он сейчас будет очень кстати.

– Держи, я не знаю, что там за мясорубка была, но без приёма по сто грамм, для снятия стресса, никому не советую туда идти. – произнёс он, протягивая мне флягу.

Я сделал пару глотков, даже не почувствовав вкуса, и передал фляжку дальше, велел всем отпить, даже Берсерку. Проследив внимательно, чтобы никто ни сфилонил, объявил перекур на пару минут. Достав сигарету, стал жадно глотать дым большими затяжками, пытаясь унять нервы. Все, кто курил, выкурили свои сигареты, так же, как и я, очень быстро, примерно за пять глубоких затяжек. Делаю несколько глубоких вздохов, стараясь унять волнение, и говорю:

– Сейчас все по очереди мочат свои шарфы самогоном и повязывают на лицо. По-хорошему, для такого лучше одеколон или духи, но, когда собирали вещи, никто об этом не подумал.

Проследив, чтобы у всех шарфы были смочены самогоном и закрывали носы и рты, проделываю то же самое со своим и говорю:

– Доставайте ножи, тварей вроде немного, нам придётся туда пойти по двум причинам. Другая дорога слишком опасна, и я никогда себе не прощу, если не пойму, что тут произошло, буду всю оставшуюся жизнь гадать.

Произнеся последние слова, встаю и сжимая в руках нож, выхожу из леса к зданию железнодорожного вокзала. Огромное пространство перед ним буквально усеяно трупами людей и зомби. Причем большинство, как в бредовом рассказе пьяного Кузьмича, разрезано по частям, размазано, раздавлено. Стоит ужасный смрад разлагающихся тел, тошнотворный сладковатый запах трупного яда быстро вытесняет аромат самогона. Кажется, что сам воздух превратился в прозрачный зловонный кисель, и ты в нем плывёшь. Среди валявшихся повсюду тел и их фрагментов, бродили зомби, их явно не смущала ужасная вонь и не менее ужасающее зрелище.

Твари заметили нас и, порывая, впившись злобными взглядами своих кровавых глаз, устремились в нашу сторону. У нас, наверное, сейчас взгляды были не лучше, чем у них, а желания уничтожать и разрывать, наверное, даже побольше. Ими двигали инстинкты, а нами — разгоревшаяся внутри ярость, порождаемая озлобленным от увиденного разумом. Мы не стали дожидаться, когда они подойдут, и сами устремились им навстречу, яростно убивая всех на своём пути. Особенно продуктивно с этим справлялся Берсерк. Если бы мы вели счет убитым, он бы одержал безусловную победу, убив, один, мертвецов, больше, чем мы все вместе. Кувалда в его лапах казалась игрушечной, но её удары были поистине чудовищной силы. Головы мертвецов с жутким треском лопались и ломались. Давно позабытое мною выражение «Вобью бошку в туловище» заиграло новыми красками. Если он обрушивал свою кувалду зомби на голову сверху, то она, конечно, не вбивалась в туловище, от головы просто ничего не оставалось, тело падало на землю уже без головы.

На помощь своим братьям стягивались мертвецы с окрестности и выходили из здания вокзала, но их было слишком мало, чтобы заставить нас отступить. Хотя, я не уверен, что сейчас Берсерк, впав в безумие, убивающий своей кувалдой мертвецов, меня бы услышал и послушал, прикажи я отступить. Его глаза были мутными, а с уголка рта стекала слюна, хорошо, что он отличает нас от зомбаков.

Не знаю, сколько времени ушло на уничтожение тварей, и вряд ли кто-то сможет ответить, спроси я сейчас это у любого из стоявших рядом. Пока шло яростное истребление мертвецов, время застыло. Сейчас, когда все зомби были убиты, все стояли, тяжело дыша, как загнанные лошади, только что пену с морды не роняли.

Отдышавшись, молча идём к зданию вокзала, перешагивая через трупы людей вперемишку с зомби. Повсюду валяющиеся оторванные и отрезанные конечности, головы. Прихо-

дится почти всё время смотреть под ноги, ища место, куда поставить ногу. Вот лежит зомби без головы, явно работа Берсерка и его кувалды, рядом лежит нога, ровно отрезанная по бедру, в синих джинсах и высоких ботинках песочного цвета. Дальше раскрытый чемодан с выпавшими из него личными вещами. Труп женщины в возрасте, с замершей навечно гримасой страха на лице. Мужская рука, оторванная по локоть, на запястье замерли навсегда дешёвые часы, с разбитым стеклом циферблата. Две молодые девушки, лет по шестнадцать-семнадцать на вид, в модных белых курточках, джинсах со стразами и белых кроссовках, явно были подругами при жизни. Миниатюрная женская ладонь, оторванная в районе кисти, с маникюром и тонким колечком на пальце. Мужик, весь жутко переломанный, с вмятым вовнутрь черепа лицом, как будто Берсерк, надев кастет, со всей силы ударил его в нос.

По обе стороны от железнодорожных путей и на них самих валялись трупы, много трупов, без конечностей, целые, переломанные. Вперемешку с оторванными руками, ногами, головами, разорванные пополам люди, с длинными змеями кишок на земле. Тут же в беспорядке повсюду валялись чемоданы, рюкзаки, целые и закрытые, раскрытые и разломанные. Среди трупов и конечностей людей было так же немало трупов зомби, у большинства из них тоже не хватало конечностей на теле. Весь этот ужас дополнял невыносимый смрад разлагающихся тел.

Приходилось идти, перешагивая всё это, борясь с желудком, который так и норовил вывернуться наизнанку. В здание вокзала двери, выходящие к посадочным платформам, были распахнуты настежь, одна створка сорвана с нижней петли и висела на одной верхней. Вторые двери, ведущие из зала ожидания на улицу, тоже были распахнуты и разломаны. Весь пол был усеян разнообразными личными вещами пассажиров. Из угла послышалось рычание, издаваемое зомби. Я удивленно подумал о том, что странно, что он не вышел вместе со всеми, но когда увидел его, всё стало на свои места.

В углу стояла дорогая инвалидная коляска на электрической тяге, в ней сидел пристегнутый зомби, рыча, тянул руки в нашу сторону. Понятно, почему он не вышел со всеми остальными, когда мы появились. Подходим ближе и рассматриваем его. Скорее всего, раньше он был парализован по пояс, после обращения в зомби чуда не случилось, ноги всё так же были бездвижны. Помимо дорогой коляски на зомби была хорошая одежда, подобранная со вкусом. Даже несмотря на то, что местами она сейчас была порвана и в пятнах крови, было видно, что одежда стоила приличных денег.

Очень странный пассажир. Как говорится, врагу не пожелаешь родиться инвалидом или приобрести инвалидность в результате несчастного случая. А если ты инвалид в нашей стране, то жизнь вообще сплошной мрак. Конечно, по закону у нас должны быть всякие пандусы у магазинов и еще много чего, предусмотренного для таких людей, только на практике ничего этого не было, а была жалкая пенсия по инвалидности и презрительно-сочувствующие взгляды. На большее, к сожалению, люди, которым и так не повезло в жизни, рассчитывать не могли. Пенсии той хватало лишь на жалкое существование, а выход из дома, без помощи родных, вообще был не возможен, если такой человек жил в обычной пятиэтажке, без лифта, этаже на третьем. Поэтому увидеть вот такого инвалида, что сидел перед нами, было в нашей стране редкостью.

Витя, тем временем, вогнал ему в глаз нож и прервал его рычания, упокоив бедолагу навсегда. Зомби затих и наклонился вперед, удерживаемый пристегнутым ремнями от падения на пол. Кирилл, стоявший от него сбоку, проговорил:

– Гляньте, у него тут что-то лежит, судя по тому, как спрятал, наверное, ценное.

Заглядываю за спину мертвого зомби, там лежит большая книга с красивой обложкой. Мужик её туда явно спрятал, будучи еще живым и с ясным разумом. Прошу Витю чуть наклонить тело вперед, чтобы достать спрятанную между его спиной и спинкой кресла загадочную книгу. Витя, взяв тело за плечи, оттягивает его на себя, а я извлекаю книгу.

Кручу в руках, рассматривая, пытаюсь понять, почему эту книгу так тщательно пытался уберечь инвалид перед самой смертью. Красивая обложка с золотыми узорами на черном фоне с обеих сторон не имела надписей. Все обступили меня и тоже с любопытством смотрели на книгу в моих руках.

Раздираемый любопытством, открываю её, начинаю читать с первой страницы. Как следует из названия, у меня в руках дневник путешественника. На первой странице описан предполагаемый маршрут и список достопримечательностей, которые следует обязательно посетить, после записаны впечатления от путешествия с пометками и комментариями по типу «Гостиница, оказалось, максимум на три звезды из заявленных пяти», «Кухня на всем полуострове хорошая, но ресторан у лагуны выгодно отличается превосходными стейками». Примерно так было заполнено полдневника. Сначала название страны и места для посещения, потом записи о впечатлениях от этих мест, с комментариями. Судя по этим записям, у мужика были деньги, а парализовано было не всё, что находилось ниже пояса. Поскольку, помимо комментариев о еде, отелях, и природе, были еще комментарии про продажную любовь в различных странах. Причем очень подробные, судя по ним, секс-туризм был ему не менее интересен, чем каньоны и водопады. Когда я начал читать про поездку в Таиланд, то с трудом сдерживал смех.

Начиналось всё как обычно, очередная страница дневника, была посвящена Таиланду. Национальная валюта – бат, её курс относительно рубля и доллара и прочие пометки, нужные для посещения городов, провинций и достопримечательностей. А вот комментарии, оставленные им после поездки, заставили всех кататься по полу.

Претензий к температуре воды в океане у него не было, еда тоже понравилась, судя по его восхищению дешёвыми и свежими морепродуктами, приготовленными с неповторимым тайским колоритом.

А вот с девушками вышел конфуз – чему был посвящен длинный и гневный комментарий. «Сюда я больше ни ногой или ни колесом, если быть точным. Милая азиаточка, так сексуально произносившая слова на русском с акцентом вечером в баре, по приходу в номер оказалась вовсе не девушкой, а хрен пойми кем, с классными сиськами и елдой больше, чем у меня. Я, когда это увидел, велел этому созданию среднего рода убираться прочь, но проклятый трансформер меня не слушал и начал приставать. Только благодаря моему крику среди ночи, прибежала охрана отеля и выкинула это чудовище из номера. Тем самым спася меня от постыдного изнасилования».

Закончив читать последние строки, я начал ржать в голос, присоединяясь к остальным, уже плачущим от смеха. Кузьмич, смеясь, посмотрел на Витю и проговорил:

– Что-то у тебя подозрительно очки блестят, возжелал любви с капиталистическим трансформером из далекой солнечной страны?

Витя посмотрел на Кузьмича, как на умалишённого, и ответил:

– Я – за традиционные ценности, а вот тебя бы там точно изнасиловали, пока ты пьяный на пляже валялся. Причем не только различные леди-бои, но и бродячие собаки.

Не давая Кузьмичу открыть рот, останавливаю перепалку:

– Потом будете зубоскалить, тут не лучшее место, сейчас, быстро пролистаю дальше дневник этого путешественника, не отвлекайте.

Начинаю быстро перелистывать страницы, пытаюсь понять, зачем было его прятать перед самой смертью. Переворачивая очередную страницу толстой книги, сразу замечаю, что аккуратный почерк сменился на неровный, прыгающий. Человек, написавший это, явно был взволнован и писал быстро, не заботясь о красоте строк. А вот это интересно, начинаю читать вслух:

«Не знаю, зачем я это делаю и пишу эти строки. Вряд ли в надежде, что кто-то это прочтёт, скорее, сам процесс, меня немного успокаивает. Сейчас я окончательно осознал, что жить осталось мне недолго, и решил поделиться своими переживаниями с дневником. Ты, мой единственный друг, объездил со мной полмира, был рядом в радости и горе, тебе не важно, красив я

или нет, сколько у меня на счету денег, ты всегда со мной. Судя по всему, эта поездка на малую родину будет для нас с тобой последней, для меня точно. Но обо всём по порядку, если успею, время на исходе. Толпа мертвецов уже сутки пытается проникнуть в здание вокзала, несмотря на все усилия их сдержать, люди внутри здания обречены. Двери начинают не выдерживать натиск толпы, к которой всё время прибывают подкрепления из новых мертвецов.

Началось всё с того, что я решил посетить свою малую родину. Не то чтобы я сильно любил свою родню, скорее ради племянников. Конечно, взрослые меня тоже всегда встречают хорошо, но, к сожалению, мой пытливый разум всегда задаёт мне вопрос, используя для этого самый едкий голос: «А ты уверен, что любят и ждут именно тебя, а не твои деньги? Будь ты нищим, рады были бы тебя видеть так же?». И, к своему несчастью, я не могу ему ответить, с уверенностью сказать: «Да, безусловно, они рады именно мне, как человеку и личности». Другое дело дети, цветы жизни, ещё не испорченные этой самой жизнью, искренние и бескорыстные, с радостными воплями бегущие меня встречать, с восторгом расспрашивающие о разных странах.

В этот раз, погостив у родни, я собирался вернуться в Москву на поезде. Странные вещи стали происходить ещё по дороге на вокзал. Пока мы ехали, стали свидетелями многочисленных аварий. Периодически встречались люди, бегущие с криками по улице. На дорогах было много машин различных спецслужб. Сотовой связи не было, а когда мы включили радио, там несли полную ахинею про участвовавшие случаи нападения на людей. Только сказать, кто и зачем нападает, толком не могли. Одни домыслы, причем бредовые – от наркоманов, попробовавших новый наркотик, до оживших мертвецов. Смеясь над бредом, звучавшим из радио, мы добрались до вокзала. Родственник помог мне сесть в кресло, попрощавшись, уехал.

Оказавшись на вокзале, я понял, что смеялся напрасно. Тут было слишком много людей, пытающихся уехать, забит был зал ожидания и оба перрона. По разговорам людей стало понятно, что один поезд и две электрички прошли мимо станции без остановки. Почему так вышло, сотрудники вокзала не могли объяснить, заявляя, что сами не понимают, что происходит. А потом и вовсе в кассах закрыли окна, повесив на стёкла таблички с надписью «Билетов нет». У меня билет на поезд был куплен заранее, поэтому закрытие касс меня не пугало, в отличие от рассказов, что поезда стали проезжать мимо станции без остановки. Довольно скоро я имел возможность в этом убедиться лично. Скорый поезд, издавая громкий гудок, пролетел на огромной скорости станцию, чудом никого не сбив. Люди заполнили оба перрона так, что яблоку упасть было негде, только чудом никого не столкнули под проезжающий мимо поезд.

С каждой минутой становилось всё хуже, люди продолжали прибывать поодиночке и целыми семьями. Вновь прибывшие рассказывали страшные вещи, невольными свидетелями которых они стали по пути сюда. Рассказывали, будто страшные монстры с красными глазами кидаются на людей и грызут их, как звери. Только теперь эти рассказы не вызвали у меня ухмылку и скепсис. В воздухе висело нервное напряжение, взрослые ругались, периодически вспыхивали драки, громко плакали дети. Я, прекрасно понимая, что мне нет смысла пытаться протиснуться на забитый перрон, остался в зале ожидания, заняв место в самом далеком углу, встав так, чтобы видеть в окно происходящее на платформах и железнодорожных путях. Мне, прикованному к инвалидному креслу, остаётся лишь беспомощно наблюдать за развитием событий.

Прямо сейчас в зал вошли новые люди, двое из них в крови, со страшными ранами от укусов. Они говорят, что все рассказы о красноглазых монстрах – правда – именно они их покусали. От большой потери крови им становилось все хуже. Сердобольные люди вывели их на свежий воздух, посадив на лавочку, стали промывать раны и накладывать повязки из бинтов. В скорую помощь никто не мог дозвониться.

Прошло примерно десять минут, за это время еще один поезд пролетел на большой скорости мимо станции. Обстановка крайне нервная, люди взвинчены до предела, постоянные

драки и ругань. Один мужчина, стоявший с женой и дочерью, сделал замечание двум молодым парням, чтобы не курили в зале ожидания, те только отмахнулись от него, тогда он решил подойти к ним, что стало причиной для драки. Теперь он лежит на полу без сознания, над ним, склонившись, рыдает жена, зовя его всё время по имени, и дочка сквозь слезы повторяет: «Папа, вставай, папа, вставай». Люди делают вид, что ничего не видят, изредка окидывая несчастных безразличными взглядами, возвращаются к своим делам. Одни спорят, что надо уходить пешком, другие утверждают, что поезда должны начать ходить нормально и делать остановки. Были и те, кто советовал закрыться на вокзале, ожидая пока не приедут спасатели.

Прошло примерно минут пятнадцать, люди, которые получили укусы и сидели на лавке, все, как мумии, в бинтах. Потеряли сознание и не реагировали даже на нашатырный спирт. Внезапно на посадочных платформах начались крики, а людское море заволновалось. Если быть более точным, то на одной из них, на дальней платформе, которая находилась за железнодорожными путями от вокзала.

Обе платформы были забиты людьми так, что, казалось, яблоку некуда упасть, но толпа смогла ужаться, с криками ужаса отхлынув от входа на перрон, образовав пустое пространство в виде небольшого круга, внутри которого стало видно валяющиеся на земле тела людей и сидящих на них монстров, жадно разрывающих ещё живую плоть несчастных. Все с ужасом наблюдали за происходящим, как загипнотизированные, а потом людей буквально прорвало на эмоции, одни с криком принялись метаться, другие выдавали длинные матерные ругательства, кто-то начал громко истерично рыдать.

Неважно, какая реакция одолела того или иного человека, все они с ужасом наблюдали за происходящим на дальнем перроне. Поэтому никто не видел, как оставленные лежать без сознания люди поднялись с лавок уже такими же исчадьями ада, как и те, которые сейчас творили кровавое безумие на дальнем перроне. Внезапно раздались крики боли и ужаса в зале ожидания, у входа с улицы. Люди, все как один смотревшие в другую сторону, стали резко разворачиваться, чтобы увидеть еще одну ужасную картину.

Два монстра, в красных от крови бинтах по всему телу, грызли, наверное, даже уместнее сказать терзали, как хищные звери, лежавших на полу людей. Присмотревшись, я увидел, что жертвами монстров стала семья, которая уже успела получить свою долю горя сегодня. Один монстр обгладывал лицо мужика, лежавшего без сознания, второй вгрызся в его жену, впившись ей в шею, ниже затылка, разрывая зубами плоть, разбрызгивая кровь. Женщина уже перестала кричать и дергаться, в зале стояла гробовая тишина, нарушаемая только крикам ужаса вмиг осиротевшей дочери, чавканьем и рыками монстров.

Люди, находящиеся в зале, на мгновение застыли, впад в оцепенение от ужаса, а потом с криками бросились к дверям, ведущим на перрон. В дверях сразу образовалась давка, были слышны крики боли и ругань. Но убежали не все, из сотни человек пятеро мужчин и две женщины подбежали к монстрам, которые были заняты кровавой трапезой, одна из них схватила рыдающую девочку и оттащила подальше на безопасное расстояние, остальные на мгновение замерли рядом с тварями и начали оглядывать зал в поисках предметов, которые можно использовать в качестве оружия.

В зале ожидания царил беспорядок, повсюду валялись личные вещи пассажиров, которые бросила толпа, убегая в панике. Среди разнообразных вещей, разбросанных по залу, не было ничего, что можно использовать в качестве оружия, поэтому использовать пришлось то, что было рядом и могло нанести хоть какой-то урон. Спустя мгновение на головы монстров обрушился град ударов мусорными урнами, тяжелыми кадушками, в которых стояли декоративные пальмы, и прочими тяжелыми предметами, которые удалось отыскать в зале. Тварей били по голове до тех пор, пока не разможили им черепные коробки, разбрызгивая их содержимое наружу. Потом, отбросив своё импровизированное оружие, люди волоком вытащили все

четыре тела за двери, после закрыв их, принялись сооружать укрепления, стаскивая и нагромождая друг на друга ряды железных кресел.

За это время большая часть людей уже успела миновать узкое бутылочное горлышко вторых дверей и вырвалась на улицу, стала втискиваться на уже полностью забитый перрон. Образовалась давка, те, кто был в передних рядах, оказались зажатые, их вдавливала обезумевшая от ужаса толпа. Люди, стоящие на перроне, под сильным натиском толпы стали сдвигаться. Поскольку свободного места уже не было, те, кто находился на краю перрона, стали с криками падать на железнодорожные пути, а толпа сзади всё напирала и напирала, скидывая всё больше людей на рельсы.

Тем временем, из зала уже почти все выбежали, а те, кто не поддался, пленники, закончили с баррикадами первой двери и стаскивали кресла ко второй, готовясь, как только оставшаяся часть людей окажется на улице, их тоже запечатывать наглухо.

В это время на противоположном перроне раздались крики людей. Причиной тому послужило появление новых монстров. Быстро поднявшись по лестнице, они прошли мимо своих двух братьев, терзающих людские тела, и накинулись на ближайших к ним людей. Остальные в ужасе отпрянули, спрыгивая с перрона на железнодорожные пути.

В это же время в закрытые двери вокзала начали ломиться и скрестись мертвецы, это еще сильнее подогнало и без того в панике покидающих зал людей, спустя минуту зал опустел. В дверях остались лежать три тела: одна девушка и два старика. Они не смогли пережить чудовищную давку и стали жертвами потерявшей рассудок толпы. Быстро вытащив тела несчастных жертв давки на улицу, люди, пожелавшие остаться в зале, закрыли вторые двери и принялись быстро их баррикадировать. Надо признаться, сделали они это весьма своевременно, спустя мгновение у передних дверей тоже показались мертвецы, привлеченные шумом толпы. Не делая попыток проникнуть в закрытые двери, они бросились на людей, оказавшихся ближе всего к ним, заставляя и без того обезумевшую толпу с криками ужаса сталкивать впереди стоящих людей с перрона, а после самим спрыгивать следом на железнодорожные пути.

Спустя пару минут обе посадочные платформы были практически пустые, на них остались лежать только тела людей, которые погибли в чудовищной давке или стали добычей кровожадных тварей. А внизу, между перронами, на железнодорожных путях толпились обезумевшие от страха люди, оказавшиеся окружённые со всех сторон всё прибывающими красноглазыми демонами. Монстры кидались на людей, падая сверху, с перронов, и нападали на людей, оказавшихся с краю толпы, заставляя и без того перепуганных людей кричать от страха и падать в обморок.

Были в толпе смельчаки, успевшие опомниться от страха и пытающиеся вырваться из ловушки. Такие люди обычно выбирали место, где чудовищ было меньше всего, и, побросав всю свою поклажу, делая ставку на скорость, пытались убежать. Мало кому удалось проскочить мимо мертвецов, которых с каждой минутой становилось все больше. Одному мужчине высокого роста, во время бега крепко прижимавшего мальчика лет четырёх к своей груди, это удалось. Следом за ним сделали попытку повторить то же самое парень с девушкой, на вид им было около двадцати лет. Попытка оказалось неудачной, бежала парочка как романтические дурачки, держась за ручки. Девушка споткнулась, и парень, бежавший впереди, из-за резкой остановки по инерции сместился правее, чем рассчитывал, врезавшись в стоящего монстра. Его вторая рука всё ещё была занята, и он не смог его оттолкнуть. Мертвец впился зубами в неожиданно оказавшуюся перед ним шею, парень страшно закричал от боли, а девушка, высвободив свою руку из его ладони, бросилась прочь, подвывая от ужаса. То, что случилось потом, было настолько ужасно, что я, как человек никогда не испытывающий проблем с сердцем, впервые в жизни получил прединфарктное состояние.

Монстры, прибывающие с каждой минутой, прыгали с перронов на головы людей, собирая свою кровавую жатву. Люди начали ожесточённо сопротивляться, сработал синдром

загнанной в угол крысы. Неожиданно, заглушая крики мата, боли и страха, поблизости зазвучал громкий, пронзительный сигнал скорого поезда, спустя мгновение показался поезд, на огромной скорости, издавая длинный гудок, он врзался в толпу примерно из двухсот пятидесяти людей, сколько туда успело пробраться монстров, судить не берусь.

Ужаснее этого я в жизни ничего не видел. Люди разлетались, как игрушечные, в разные стороны. У некоторых от удара отрывало конечности или разрывало пополам, другие просто отлетали и падали переломанные. Откидывало не всех, часть людей попадала под колеса, которые безжалостно отрезали или перерезали всё, что оказалось между ними и рельсами. Досталось всем: и живым, и мертвецам. Только для живого человека оторванная рука автоматически означала смерть от болевого шока или кровопотери, монстры не обращали внимания на потерю конечности или множественные переломы. Если голова уцелела, они, не обращая внимания на страшные раны и травмы, пытались добраться до людей, ползя руками по земле и волоча за собой кишки. Все это сопровождалось непередаваемыми криками, полными отчаянья и боли.

Такого я даже в фильмах ужасов не видел. Повсюду мертвые и искалеченные люди, над ними склонившись рыдали родственники и знакомые. Мать, потерявшая сына, уже не думала о себе. Она просто стояла перед его изуродованным телом на коленях и, вырывая себе волосы, громко рыдала. Дети искали родителей, громко зовя их, а кому не повезло найти мать или отца, разрезанного колесами поезда на две части, садились рядом и, обнимая голову, начинали плакать. Лишь малая часть из тех, кому посчастливилось избежать столкновения с поездом, пытались отбиваться от нападающих на них мертвецов, безнадежно проигрывая монстрам, ряды которых быстро пополнялись прибывающими на шум собратьями и людьми, которых уже успели покусать незадолго до этого.

Несмотря на то, что чудовища беспощадно уничтожали выживших, страшные крики раненых людей ещё долго раздавались на улице. Это сильно действовало на психику тем, кто забаррикадировался в здании вокзала. Крики несчастных смолкли только через пару часов после наступления темноты. Но радовались тишине мы не долго: монстры, окружив здание вокзала, стали предпринимать попытки проникнуть внутрь, без перерыва стуча, скребя по дверям и колотя руками по окнам, которые, на наше счастье, находились высоко над землёй. Поэтому они разбили все стёкла, но забраться внутрь через окна не смогли. О сне в такой нервной обстановке не могло быть и речи. Когда на улице рассвело, мы стали думать, как выбраться отсюда. Точнее, все стали думать. Я, уже давно решивший для себя, что в этом апокалипсисе мне не выжить, принял решение встретить свою судьбу тут. Давая призрачный, но всё же шанс на спасение уцелевшей горстке людей. Эти семеро отчаянных взрослых и одна маленькая девочка заслуживали такой шанс, а я мог им его подарить, решив лучше уйти из жизни сейчас, имея цель, чем чуть позже бесцельно и банально умереть. То, что я умру, и причём довольно быстро, у меня не вызывало ни малейшего сомнения. На инвалидном кресле от монстров долго не побегать.

Когда я поделился с ними своими мыслями, они, вопреки моим ожиданиям, не стали меня отговаривать. Тем более, деревянные двери начинали не выдерживать постоянный натиск огромной толпы тварей. А значит, времени на принятие решения, оставалось немного. А самое главное – это взгляды, какими они на меня стали смотреть. Впервые в жизни на меня смотрели как на полноценного человека, с уважением и благодарностью. Это окончательно укрепило моё решение остаться тут, чтобы дать им небольшую фору и шанс на спасение.

Пока мертвецы медленно, но неотвратимо выламывали двери, не зная устали, люди успели осмотреть весь вокзал. С обеих сторон его осаждали многочисленные монстры, но со стороны, где находилась парковка для автомобилей, мертвецов было в разы меньше, чем около железнодорожных путей, поэтому было принято решение убрать баррикаду от дверей, ведущих на парковку, и позволить монстрам выломать деревянные двери окончательно. И, пока

они будут, отвлекаясь на меня, находиться в самом дальнем углу, люди должны выбраться из окна туалета и попытаться спастись.

Всё, это последняя запись. Баррикады убраны, монстры почти разломали двери. Прощай, дневник...

На этом записи, оставленные физически неполноценным, но духовно сильным мужчиной, прерываются.

Заканчиваю читать, все стоят пораженные ужасными событиями, описанными в дневнике. Я тоже под сильным впечатлением, тем более, последствия трагедии видно из окна, и они ужасают. Вроде уже не мало повидали ужасов, а всё равно психически тяжело это переносить. Говорю товарищам:

– Вот вам и ответы на вопросы. Хотя, если честно, лучше бы я их не знал. Уходим из этого проклятого места, не хочу больше тут находиться.

Все молча кивают, кладу дневник на колени хозяину. Видя это, Витя говорит:

– Зачем ты его тут оставляешь?

– А что мне им делать? Нужную информацию я нашел, а сколько стоят креветки в Таиланде, мне не интересно и уже неактуально.

– Ты примитивно мыслишь. Тут описана одна из сцен катастрофы, охватившей весь мир, а мы – те, кто его возродит, либо погибнет, окончательно уступив землю чудовищам.

– Витя, не сношай мне мозги, они и так кипят после прочитанного. Что ты от меня хочешь? Как тебе поможет этот дневник, «возродитель» ты наш?

– Я же говорю, кругозор твоего мышления слишком узок. Мне он уже никак не поможет, но, если человечество выживет, то начнут появляться музеи, школы. Этот дневник там должен занять почетное место. Посуди сам, в нем есть прекрасное описание того, какими были разные страны до трагедии, ужасы первых дней трагедии и героическое самопожертвование смелого человека с сильным характером.

– Может, ты и прав. Короче, если хочешь, бери этот дневник и открывай музей или отдавай тем, кто откроет, дело твоё. Главное, пошли уже быстрее отсюда!

Витя берёт дневник с колен мертвеца, бережно прячет его в своём рюкзаке. Кузьмич ехидно прокомментировал его действия:

– Виктор, тут все свои, так и скажи, хочу еще почитать про трансов, в одиночестве. А то музеи, возрождение человечества. Какие высокие эпитеты, с кем ты собрался возрождать человечество? Найдешь себе зомбачку и создашь с ней крепкую семейную ячейку общества?

Витя злобно посмотрел на Кузьмича, гневно сверкая очками, произнёс:

– Совсем ничего святого в тебе нет, даже обсуждать это не хочу.

– Как это нет, сейчас во мне как минимум триста грамм святейшего самогона.

Витя обжог Кузьмича взглядом и молча пошел на выход, все остальные устремились за ним. Слишком тяжелая, давящая аура была у этого вокзала. Выйдя на улицу, я говорю:

– Сейчас переходим через рельсы в лесополосу, идём в таком же порядке, как и шли до этого.

Глава 3. Больше вопросов чем ответов

Снова преодолеваем железнодорожные пути, стараясь не наступать на людские останки. Войдя в лесополосу, растягиваемся в шеренгу, занимая каждый своё место, продолжаем идти по намеченному ранее маршруту. По мере удаления от вокзала, страшные находки в виде людских тел и заблудших мертвецов стали встречаться всё реже. Спустя десять минут ходьбы пропали вовсе. Я с облегчением вздохнул, то ещё «удовольствие» – шагать по лесу, постоянно натываясь на трупы людей с разнообразными страшными увечьями.

Спустя полчаса мы вышли к намеченной цели. Впереди, примерно в трёхстах метрах от нас, виднелся железнодорожный переезд и стоящее около него здание магазина. К моей радости, фургон, оставленный после нашего с Артёмом поспешного бегства, находился на месте. Не выходя из лесополосы на открытое пространство, быстро делаем себе лежанки, сняв туристические коврики с рюкзаков. Расстелив их на снегу, ложимся, пытаюсь рассмотреть в бинокли наличие врагов в здании или рядом.

Машин, кроме брошенного нами броневика, с нашей стороны не видно. Обнаружить людей тоже не удалось, как мы ни всматривались в здание и окрестности вокруг него. Проведя за наблюдениями около сорока минут, принимаем решение разделиться и обойти здание со всех сторон, для лучшего наблюдения, а в случае возникновения перестрелки, будем иметь преимущество перед врагом, обстреливая его с разных сторон. Обговариваем условные сигналы. Один щелчок в рации – обнаружение врага, два щелчка – быстро отступаем, три щелчка – всё чисто, противник не обнаружен. Рассчитываем, что по времени операция займёт примерно полчаса на полное окружение в скрытном режиме, ещё пол часа на наблюдение. Желаем друг другу удачи и расходимся.

Мне досталась позиция с правой стороны здания. Пробирался на неё скрытно, местами преодолевая открытые участки местности ползком. Когда наконец-то добрался до позиции, залег и принялся тщательно осматривать здание со своей стороны. Попытки обнаружить врага не увенчались успехом. Судя по отсутствию машин, скорее всего, внутри магазина никого не было. Однако исключать полностью вариант, что противник может находиться внутри, было нельзя.

Время, проведённое за наблюдениями и размышлениями, пролетело быстро. В рации послышались тройные щелчки, повторяемые с небольшими интервалами. Наблюдатели с разных сторон начали поочередно докладывать, что противник не обнаружен. Три раза быстро нажимаю клавишу вызова, начинаю скатывать свой коврик, на котором лежал на земле во время наблюдений. Прикрепив его на рюкзак, выдвигаюсь к зданию. Делаю это короткими перебежками, стараясь использовать любой куст или бугор, как укрытие. Попутно отмечаю, что товарищи тоже начали движение и подбираются с разных сторон к магазину. Пока всё идёт хорошо, врагов не заметно, по нам не открыли стрельбу. Добираюсь до магазина и, опершись спиной в стену, стою восстанавливаю дыхание, ожидая, пока другие достигнут здания.

За пару минут все успели добежать до магазина. Встав под его стенами, держась подальше от окон, обрисовываю план дальнейших действий:

– Кирилл, остаёшься снаружи, внимательно смотришь по сторонам, если на горизонте появится любая машина или люди, сразу бежишь к нам и сообщишь. Мы все заходим в здание, сначала полностью его прочесываем. Уверен, там никого нет, но, как говорила монашка в том анекдоте, «береженого, бог бережёт».

Окончив нехитрый инструктаж, оставляем Кирилла на улице в качестве наблюдателя, сами заходим в магазин. Включённые подствольные фонари забегали яркими лучами по полутемному помещению. С момента моего последнего визита тут ничего не изменилось. На полу у

двери валялась брошенная мною в убегающую блондинку кружка из-под кофе. Рядом с импровизированным столиком, где так и не состоялось кофепития, на полу валялись стулья. На холодильнике, игравшем роль стола, стояла полная кружка остывшего кофе, к которой Артём так и не притронулся.

Быстро пройдя большой пустой зал, заходим в дверь, за которой начинаются подсобные помещения. Начинаем их обследовать, сначала иду в ту сторону, где уже был. Попадаю на уже знакомую мне кухню с разбитым мною стеклом. Тут всё чисто, идём в другой конец здания. Маленькая комната туалета – тоже пустая. В следующей комнате ужасный бардак, на полу свалены в кучу разнообразные предметы, явно бывшие раньше товаром этого магазина.

Магазин, судя по всему, был универсальный, торговал всем, что пользовалось в этих краях спросом. Как говорила одна моя знакомая: «Наша фирма продаёт всё. От батона до гонд...» Так и тут, различные сельхоз инструменты валялись в одной куче со строительными материалами, разнообразными книгами и журналами, детскими вещами и игрушками, дешёвой одеждой, бытовой химией. Ассортимент этого загородного магазинчика был большой и разнообразный. Особенно меня поразило, что в нём присутствовали так называемые «игрушки для взрослых». Пройдя захламленную товаром комнату, оказываемся в другой, тут тоже никого нет. Зато обнаруживаем находки явно не из ассортимента магазина. Витя, крутя в руках взятое со стола удостоверение, проговорил:

– В другой бы ситуации этих охотников на людей могли восславлять и объявить народными мстителями.

Мне стало жутко интересно, я подошел ближе к столу. На нём были различные документы людей, сложенные аккуратными стопками. Столбик из водительских удостоверений, по соседству два больших столбика Российских паспортов. В таких столбиках был весь стол, чего тут только не было: заграничные, пенсионные удостоверения, страховые полисы, всевозможные банковские карты, военные билеты, служебные удостоверения.

На середине стола среди разнообразных документов лежала необычная мягкая игрушка. Она была явно не из той партии дешевых тигрят и собачек, что продавались в этом магазине, её отличало совсем другое качество исполнения, и, самое главное, я не встречал детей, играющих со страусом. А это был именно страус, что довольно экзотично для наших краёв. Этот страус был с длинными ногами, после которых шла задница такой формы, что многие модели умерли бы от зависти, не убей их раньше зомби. А ещё он выделялся необычными хитрыми глазами. Взяв страуса в руки, я стал его разглядывать, понравился мне он, не могу сказать, чем, но определенно понравился. Из размышлений, навеянных этой необычной игрушкой, меня выдергивает в реальность Кузьмич, начиная трясти за плечо:

– Ты чего очаровался как маленький этим страусом? Еще немного, и у тебя слюна начнет стекать из открытого рта.

Ещё раз взглянув на страуса, окончательно решаю, что он мне нравится, а значит я заберу его с собой. Приняв это решение, кладу игрушку в рюкзак и говорю:

– Просто понравился, что доколебался?

– Да то! Я тебе говорю, а ты меня не слышишь, как под гипнозом пялишься этому страусу на задницу и загадочно улыбаешься.

– Кузьмич, ты краски не сгущай, я, может, и задумался немного, но тебя послушать, так вообще дело чуть до секса с игрушкой не дошло. Хватит нести свой бред и повтори то, что я не слушал. Хотя, если это такой же бред, лучше не повторяй.

– Бред – это то, что в этом магазине столько документов лежит.

– Согласен, документы тут появились явно после того, как всё началось. Только вот кому и зачем понадобилось их собирать? Они теперь не представляют никакой ценности, туалетная бумага сейчас будет более востребована. Ей хотя бы комфортно по прямому назначению пользоваться, а что сейчас делать паспортом или водительским удостоверением, я даже не знаю.

Витя, внимательно слушая наш разговор, просматривал поочередно паспорта, закончив с первой стопкой, положил её обратно на стол и проговорил:

– Тут нет какой-то логики или последовательности. Паспорта людей разных возрастов, от подростков до пенсионеров. Большинство, конечно, с воронежской пропиской, но есть и другие регионы: Москва, Ростов, Курск, Липецк, даже белорусские и украинские паспорта есть. Принадлежали людям разного пола.

Кузьмич, выслушав его, предположил:

– Ставлю литр хорошего коньяка на то, что это недоделанные охотники у своих жертв документы собирали в качестве трофеев!

Я призадумался, сначала мне тоже самое в голову пришло, но потом появились сомнения относительно этой версии. В том, что отморозки могут обшаривать тела своих жертв, собирать найденные документы в качестве трофеев, я не сомневался. Даже во времена, когда были всякие международные организации, которые следили за соблюдением различных конвенций, доктрин и прочих договорённостей в горячих точках, во время вооружённых конфликтов. Даже в те времена всегда были отморозки, собирающие страшные трофеи в виде отрезанных пальцев, ушей и других частей тела. И если одни хранили такие трофеи, пряча от посторонних глаз, то другие делали из них разнообразные ожерелья и с гордостью носили на груди. Были и те, кто, следуя каким-то своим убеждениям или голосам в голове, вырезали у убитого врага и съедали сердце или печень, заявляя, что так получают часть силы поверженного противника. Но тут была явная нестыковка, поэтому, доверяя своей интуиции, отвечаю:

– Ставлю литр своего любимого ликера из Финляндии, хочу заметить, еще из старых запасов, а новые вряд ли будет просто достать у нас в городе, на то, что это не охотники за людьми собирали здесь все эти документы.

Кузьмич радостно заулыбался и протянул мне свою руку, я её сжал, и он приговорил:

– Витя, разбей.

Витя несильно ударил ребром ладони сверху вниз, разрывая наше рукопожатие и становясь свидетелем спора. Как только рукопожатие было разбито, спор перешёл в статус заключенного, Кузьмич радостно воскликнул:

– Считаю, я уже заправляюсь твоим вкусным ликером, но, если будешь вести себя хорошо, так и быть, тебе налью одну крышечку!

– Ты, наверное, ещё в детстве валялся пьяный в тот момент, когда все нормальные дети познавали самые основы жизни, в том числе и про то, что глупо делить шкуру ещё неубитого медведя! Так что не раскатывай губу на ещё не выигранный ликёр.

– Так это вопрос времени, главное – не убить сразу всех, а оставить одного, чтобы мог подтвердить мою версию. Если увижу, что ты специально убиваешь тех, кого можно просто ранить и допросить, буду считать, что ты понял, что проиграл и специально убиваешь тех, кто может подтвердить мою версию.

– Кузьмич, ты совсем из ума выжил? Нас бы самих не перебили, а ты за литр спиртного предлагаешь еще и рисковать, это тебе не компьютерные игры. Там можно назначить миссию, взять языка живым и начать её выполнять, а если вдруг вышла досада, словил пулю между глаз, просто загрузить последнее сохранение и начинать заново. Тут надо сразу валить, используя фактор неожиданности, если получится.

– Ага, чуешь, что продул мне и зря проспорил? Я не прошу тебя лезть под пули и бегать за ними с сачком для бабочек, чтобы поймать их целыми и невредимыми, я прошу, по возможности, не убивать сразу наповал.

– Да понял я, понял. Не обещаю, что получится, но буду стараться и метиться не в голову. Такое тебя устраивает?

Пребывающий в хорошем настроении от уже принятой дозы спиртного Кузьмич счастливо улыбнулся и ответил:

– Так бы и сразу, а то сначала, как мужик, пожал мне руку, а потом начал заднюю включать и ломаться, как целка: «тут тебе не компьютерная игра», «всех убью, один останусь».

Нарочно изменив голос, он стал меня передразнивать. На что я возмущено ответил:

– Ты говори, да не заговаривайся! Про «всех убью» я точно не говорил.

Выслушав мою возмущению тираду, он лишь с улыбкой махнул рукой, повернувшись к Виктору, спросил:

– А ты, приверженец коммунистических идей, что скажешь?

Витя поправил очки и, смотря на него, недоуменно проговорил:

– А что я должен сказать? В ваших дурацких спорах не участвую.

– Правильно, до них еще дорасти нужно. Только я твою умную и самую малость лысоватую голову спрашивал о другом. Ты не будешь устраивать «Большой террор» и массовые расстрелы? А то вдруг вообразишь, что ты и твои очки, и вера в светлое будущее вполне годны на роль судебных «троек», тут же вынесешь всем приговор и приведешь в действие, а мне нужен хотя бы один живой для допроса.

Витя от возмущения немного покраснел, а его очки начали потеть. Сняв их с лица, он принялся яростно протирать их специальной тряпочкой. Покончив с этой процедурой, водрузил обратно на лицо и посмотрел на Кузьмича, возмущенно напирая:

– Как меня достали такие, как ты! Вам уже три раза успели переписать историю и учебники, а вы с радостью глотаете этот понос! При этом ещё строите из себя чуть ли не великих историков, знающих, как всё было на самом деле!

Кузьмич немного растерялся от такой реакции и перестал улыбаться, подойдя к Вите вплотную, он, сделав виноватое лицо и примирительный тон, произнес:

– Ты что, обиделся? Я же шучу! И вообще, Сталин был мужик, и Ленин тоже, а ты, с лысиной, на него похож, только тебе надо пятно выбрить побольше. Я за мир во всём мире и за коммунизм. Даже иногда мечтаю, что зомби повяжут себе пионерские галстуки, начнут ходить стройными рядами и работать на блага общества.

– Кузьмич, ты вроде пытаешься извиниться, а несёшь такую ересь, что эффект получается прямо противоположный.

– Обещай мне при возможности не убивать всех шизанутых охотников, и я отстану от тебя.

– С этого и надо было начинать. Ради такого дела, я обещаю по возможности ранить, но не убивать.

– Молодец, я тебя почти люблю, можно чмокну в лысину?

Витя достал из кармана перцовый баллончик и направил его на Кузьмича. Тот быстро сделал пару шагов назад, подняв обе руки вверх, произнёс:

– Да всё, молчу, молчу! Пошутить уже нельзя, все такие серьёзные.

Витя принялся дальше изучать документы. Оставив его там, возвращаемся в зал. Берсерк молча, как тень, ходит за нами, Кузьмич идет, радостно насвистывая незнакомую мне мелодию. Подойдя к поваленному стулу, ставит его на ножки и садится за стол, достаёт из-за пазухи фляжку. Увидев, что я смотрю на него, предложил мне отхлебнуть. Получив отказ, молча пожал плечами, открыв крышку и сделал пару больших глотков, счастливо крякнув, спрятал фляжку обратно и принялся дальше насвистывать. Порой завидую его безмятежности.

Оставив Кузьмича, Алёшеньку и Витю внутри здания, выхожу на улицу, спрашиваю у Кирилла:

– Что тут, снаружи, всё тихо? Ничего подозрительного не заметил?

– Тишина, как будто всё вымерло.

– Скорее всего, ты близок к истине.

– А у вас что? Нашли внутри чего-нибудь интересного?

– Нету ни фига, уверен, что это у них непостоянная база. Помоги мне лучше с одним делом.

– С каким?

– Хочу проверить броневик, боюсь, что его могли заминировать. Понимаю, что звучит бредово, но исключать такую возможность нельзя.

– Согласен, так в чем моя помощь заключается?

– Ты моложе, половчее, поползай под днищем машины, посмотри, не прикрепили ли нам пламенный привет.

– Нашел кого просить, ползай под машиной мне нетрудно, но я далек от всяких бомб и прочих динамитов.

– Тебя же называли гаражным демоном за то, что ты постоянно колдовал со своей машиной, в гараже полностью разбирая её и собирая в другом, не стоковом, исполнении, правильно?

– Да, в своей машине я смогу откапиталить двигатель через выхлопную трубу или полностью разобрать и собрать её с закрытыми глазами.

– Ну тогда не насилуй мне мозг, лезь под броневик. Чтобы обнаружить там взрывчатое вещество, даже не надо знать, как оно выглядит. Увидишь, что-нибудь такое, чего там быть не должно, главное – руками не трогай, а сразу вылезай оттуда.

– Хорошо, сейчас посмотрю. – согласился Кирилл, лег на спину, толкаясь пятками, ловко заполз под машину.

Я начал вместо него осматривать округу, опасаясь, что в любое мгновение старые знакомые могут сюда вернуться.

Проведя примерно пять минут под днищем машины, он успел осмотреть каждый сантиметр, периодически матерясь на ограниченное пространство и подсвечивая себе фонариком. Закончив с осмотром, он вылез из-под машины, матерясь, принялся стряхивать с одежды снег. Не дожидаясь, пока он полностью отряхнётся, спрашиваю у него:

– Всё нормально, ничего подозрительного не нашёл?

– Лишних предметов нет, по крайней мере, в зоне видимости с земли. Зато обнаружил, что один из приводных сальников потеет маслом. По-хорошему, с заменой лучше не тянуть, а то уровень масла начнет уходить, когда потечет сильнее.

Говоря это, но закончил отряхиваться и повернулся ко мне, вызвав у меня приступ смеха. Недоумённо смотря на меня, он спросил:

– Что смешного в слове «сальник» или «масло»?

– Абсолютно ничего в этих словах смешного нет. Ты лучше посмотришь в зеркало, и всё поймёшь.

Подойдя к наружному зеркалу броневика, он заглянул в него, усмехнувшись, принялся тереть нос, который умудрился испачкать, находясь под машиной. Закончив его оттирать, он добавил:

– Это ты меня не видел, когда я со своей машиной возился, бывало, что всё лицо полностью черное в грязи, кроме глаз.

Я представил себе эту картину и усмехнулся. Достав из кармана ключи, открыл броневик и запустил двигатель. Всё работало, как и положено, машину явно не трогали. Либо она им была не интересна или рассчитывали, закончив охоту, вернуться с ключами и забрать как трофей. Сказав Кириллу смотреть в оба, возвращаюсь в магазин. Застаю Витю с Кузьмичом за яростным обсуждением – какой размер женской груди лучше. Прерываю их ожесточённый спор:

– Нам пора отсюда сваливать, по дороге обсудите женские прелести.

Кузьмич посмотрел на меня и поинтересовался:

– Кстати, а какие сиськи были у той блондинки, из-за которой всё это началось?

– А вот встретим её, и увидишь!

– Я понимаю, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, но, всё равно, так нечестно.

– А кто сказал, что жизнь – штука простая и честная?

– Жизнь – это вообще не штука, это... – задумался Кузьмич, пытаясь подобрать более точное определение.

Я усмехнулся и пошел к машине, не став ждать, пока в его мозгу созреет мысль.

Покинув магазин, загружаемся в броневик. Я занимаю водительское место, достаю из рюкзака страуса и веревку. Теперь он будет висеть на зеркале, крутятся то к лесу передом, то ко мне задом, и смотреть своими хитрыми глазами на меня и на дорогу. Больше здесь делать нечего, выжимаю сцепление, втыкаю первую передачу, и машина плавно трогается.

Глава 4. Возмездие

Вернувшись на то место, где мы спрятали свой второй броневик, выходим и закуриваем. С наслаждением вдыхая горьковатый сигаретный дым, обдумываю дальнейший план действий. В саму деревушку, где предполагалось устроить засаду на преследователей Артёма, заезжать нельзя – машины сразу заметят. А значит, их нужно спрятать где-то так, чтобы другие люди случайно не нашли, и подальше от деревни. Это означало, что нам предстоял ещё один пеший переход от места, где оставим машины, до самой деревни. Для лучшего понимания достал из папки, презентованной гестаповцем, карту и принялся её изучать, обдумывая, где лучше оставить машины, с какой стороны в деревню должен войти Артём, а следом за ним его преследователи.

Пока я напрягал извилины, стараясь всё тщательно спланировать и не упустить из виду любую мелочь, Кузьмич снова завёл свою песню. Подойдя к Кириллу, он сказал:

– Я уже почти со всеми обговорил этот момент, кроме тебя. У нас тут возник спор и мне важно, чтобы хоть одна мразь из тех, что будут идти по следам Артёма, выжила и могла хотя бы минут десять говорить.

– Кузьмич, не совсем понимаю, что от меня нужно?

– Просто, когда начнешь стрелять, старайся не убивать хотя бы одного, целясь в ноги или плечи.

– Ты же знаешь, я с оружием на Вы, если смогу вообще попасть по врагу, уже будет праздник. А ты мне говоришь стрелять по ноге. Я твою просьбу понял, буду стараться изо всех сил.

– Это я и хотел услышать. – удовлетворился ответом Кузьмич.

Пребывая в хорошем расположении духа, он опять начал весело насвистывать. Его взгляд упал на Берсерка, прекратив насвистывать, он задумчиво нахмурил свои кустистые брови и завис на пару минут, явно решая в уме нелегкую для него дилемму. Наконец, его лоб разгладился, и он, подойдя к Алёшеньке, начал разговор:

– Ты единственный, с кем я еще не обсуждал важный для меня вопрос.

Берсерк уставился на него преданным взглядом, каким обычно маленькие щенки смотрят на хозяина, и стоял, пожирая его глазами. Не дождавшись от Алёшеньки ни единого слова, Кузьмич продолжил говорить:

– Вряд ли в перестрелке ты будешь бегать и вбивать их кувалдой в землю, как тех зомби на вокзале, но всё равно попрошу тебя, если на земле будет лежать раненый, не убивай его, пока я не скажу, что можно, хорошо?

– Хорошо, я убью раненого на земле кувалдой, когда ты скажешь можно. – подтвердил Берсерк.

Кузьмич, улыбаясь, как чеширский кот, подошел к карте и начал её рассматривать.

Я уже успел за это время прикинуть, с какой стороны должен появиться Артём и его преследователи. Оставалось только найти место, где оставить машины. Судя по карте, в окрестностях была пара таких мест, где наши машины не должны были обнаружить случайно оказавшиеся в этих краях люди. Одно находилось в километре от места предполагаемой засады. Оно было всем хорошо, но меня терзали сомнения, не слишком ли близко. Второе – идеальное, но располагалось за пять километров, против него выступало нежелание опять делать маршброски пешком. Увидев довольное лицо Кузьмича, я сразу принял решение, что это будет второе место, а то слишком он довольный, как будто уже пьёт мой ликер.

Тыкаю пальцем в карту в районе леса и говорю:

– Тут оставляем машины, пешком идём занимать позиции для засады, расстояние пять километров.

У Кузьмича сразу пропала улыбка с лица, он страдальческим голосом заныл:

– А что так близко, подальше найти не мог?

Смотрю ему в глаза, переставляя палец на карте в другое место, с улыбкой говорю:

– У меня было два варианта, но почему-то думал, что все будут за первый. Значит, машины оставляем тут, топаем десять километров пешком в быстром темпе, чтобы успеть.

Кузьмич, услышав это, хотел что-то сказать, но закашлялся. Кирилл и Витя начали на него ругаться, возмущенно говоря, что если ему скучно, то его можно и за двадцать километров высадить, пусть ходит ноги бьёт. А им такие прогулки не нужны, впереди бессонная ночь и беспокойное утро.

Немного насладившись растерянным видом Кузьмича, признаюсь, что пошутил и машины оставим в пяти километрах от деревушки.

Все с облегчением вздохнули, ругань сразу стихла. Погрузившись в машины, трогаемся. Висящий на зеркале заднего вида страус раскачивается, крутится на веревочке, иногда одаривая меня хитрым взглядом. Кузьмич сидит рядом со мной на пассажирском сидении, периодически осматривая дорогу впереди. Когда страус очередной раз повернулся и посмотрел на меня, я не выдержал и проговорил:

– Хватит на меня так загадочно смотреть. Запомни, в этой машине только один император, и это я.

Кузьмич, опустив бинокль, недоуменно произнёс:

– Прошу прощения император, но я смотрел не на вас, а на дорогу.

– Расслабься, я это не тебе говорил.

Кузьмич, удивленно изогнув брови домиком, принялся вращать головой, осматривая салон автомобиля, хотя прекрасно знал, что кроме нас двоих, в нем больше никого нет. Все остальные ехали во второй машине, позади нас. Убедившись, что в машине только мы, Кузьмич с испуганным видом спросил:

– Что, и к тебе белочка пришла, и ты чёрта видишь? Где он, рядом со мной сидит или вообще мне на шею залез и свесил ноги?

– Спокойно, мой старый опытный ловец белок, не ревнуй, не пришла ко мне твоя белочка. И твоего персонального рогатого гостя я тоже не вижу.

Кузьмич недоверчиво смотрел на меня, пытаюсь понять, вру я или нет. Было заметно что логические цепочки в его голове не сходятся, это его пугает и злит. Подумав пару минут в тишине, он решил заплыть с другого конца и спросил прямо:

– А с кем ты говорил?

– Со страусом.

– Со страааааусом...

Недоуменно повторил он, задумчиво растягивая слово. Немного поразмыслив, он, видимо, решил, что белочка пришла, но не с чёртом, как обычно, а, в виде исключения, привела для меня экзотическую птицу. Настороженно смотря на то, как я улыбаясь рулю, он продолжил расспрашивать:

– А что сейчас этот страус делает? Где сидит? Описать его можешь?

– Кузьмич, не тупи. Страус висит перед тобой на зеркале, это игрушка.

Услышав это, он злобно уставился на весело раскачивающегося статуса на зеркале. Чтобы сразу предотвратить все его поползновения в сторону игрушки, говорю:

– Не надо на него так злобно пялиться, как будто сейчас расстреляешь в него весь магазин или, ещё хуже, начнёшь ссать на него. Знаю я твои солдатские приколы, страуса не трогать, он мне нравится. Оторвав от игрушки взгляд, он задумчиво посмотрел на меня и сказал:

– Да не буду я трогать твоего страуса, дело не в нем вообще.

– А в чём?

– В том, что ты с игрушками говоришь, это меня пугает. Может, изменим маршрут и сделаем небольшой крюк до Тенистого?

– Хочешь, чтобы меня в «теньке» в местной дурке психиатр осмотрел?

– С первого раза отгадал.

– Это было легко. Даже если кто из психиатров и выжил чудом, то точно там не сидит и не ждёт, кто к нему придет за диагнозом. И вообще, чего пристал, я нормальный или недообследованный, что в принципе одно и то же. Вот чтобы тебе поставить диагноз – алкоголизм последней степени – даже никуда ехать и искать нарколога ненужно.

Кузьмич отвлекся, в очередной раз рассматривая впереди дорогу в бинокль, не найдя ничего подозрительного, опустил его и ответил:

– Ладно, почти верю, что ты почти нормальный. А про нарколога ты классно задвинул, получился крутой тост, грех за это не выпить.

Произнеся эти слова, он достал фляжку и отпил из неё, после откинулся на спинку кресла, блаженно потянулся и замолк под уютное урчание мотора, размышляя о чем-то своём, периодически поднося бинокль к глазам и осматривая дорогу впереди.

Свернув с дороги в лес, продолжаем движение, пока не оказываемся на поляне, замеченной мною на карте. Загоняем машины в молодой сосновый подлесок, забираем своё оружие и рюкзаки. Нарубив сосновых веток, замаскировываем машины, обкладывая их со всех сторон ветками с пушистыми зелеными иголками. Вблизи машины сразу видно, а вот если проезжать мимо леса, уже в глаза не бросаются непривычные для леса краски. Осмотрев со стороны результаты маскировки, остаюсь ими доволен. Развернув карту, подзываю всех поближе и говорю:

– Смотрите и слушайте внимательно. Артём должен войти в деревню с её левого края и пройти без остановки насквозь. Потом он сделает крюк и поддержит нас, атаковав противника сбоку. Наша задача зайти в деревню с другой стороны, занять крайние дома уже на выходе из деревни, устроив там огневую точку для встречи преследователей Артёма. Расчет на то, что появления деревни насторожит преследователей. И первые шаги они будут делать очень осторожно, опасаясь каждого шороха. Пройдя её полностью, уже на выходе из неё расслабиться, видя, что она давно заброшенная, а следы Артёма ведут дальше. Вот на выходе из деревни, мы их атакуем. Пока всем, всё понятно? Вопросы, предложения есть?

Кузьмич торопливо произнёс:

– Главное, про мою просьбу не забудьте, одного живым для допроса оставьте.

– Кузьмич, ты уже настолько сильно всех достал, что про это можно не напоминать. Раз всем понятно и вопросов нет, слушайте дальше. Перед деревней разделяемся на две группы и, идя след в след, занимаем два противоположных дома в конце деревни. Сейчас надо срубить ещё веток для заметания следов за собой, за ночь ветер поработает, и их будет совсем не заметно. Храним полное радиомолчание. Даже если услышите шаги рядом, из окон не высматриваться и не открывать огонь по противнику, пока не услышите по радиации команду. Вот, в принципе, и всё.

Закончив короткий инструктаж, сворачиваю карту и прячу в рюкзак. Даю всем пять минут покурить и справить нужду перед дорогой. Пока все делают свои дела, закуриваю и поправляю лямки на рюкзаке. Докурив и дождавшись, пока все доделают свои дела, сообщаю, что пора выдвигаться. Взяв курс на деревню, выходим из леса, стараясь идти легким темпом, чтобы не устать.

Спустя час ходьбы по заснеженным полям, где-то за километр от деревушки, у нас на пути появляется старое кладбище. Судя по его виду, тут уже давно никого не хоронили, и оно заброшенное. Проходя мимо перекошенных облезлых оградок, рассматриваю даты и имена на уцелевших надгробьях. На выцветших фото запечатлены упокоенные люди. Судя по датам,

хоронить тут перестали в 90х годах. Наверное, развал страны и развалил окончательно эту деревеньку в те нелегкие для страны годы. Люди были похоронены тут, на своей родной земле, целыми семьями.

Меня всегда поражала одна особенность, когда смотришь на фото людей из прошлой эпохи, выросших и живших еще в советские времена. Вроде обычные русские люди, как я сам и мои современники, но что-то в них, всё равно, немного другое. Тяжело объяснить это словами, понятно, что немного другие прически, одежда, но дело, скорее всего, в неуловимых чертах лица и взгляде. Они мне кажутся более честными, открытыми и простыми. Судя по рассказам моего деда, яркого коммуниста, проработавшего сорок лет мастером на Воронежском Авиационном заводе, мои догадки верны. В те годы люди всеми строили одну большую страну для себя и для своих детей. У них была вера в светлое будущее, а социальное расслоение не достигало таких масштабов, как в современной России. Поэтому жили люди с мыслями, что они оставят после себя, не думая о том, как, кого обмануть и нажиться за счет других. За размышлениями оставшийся километр пути пролетел незаметно.

Завидев первые дома, остановились. Осмотрев всё внимательно в бинокль, даю команду разделиться. К себе в группу забираю Кирилла и Алёшеньку, чтобы самому присматривать за ними. Кузьмич и Витя уходят правее, им предстоит занять позицию в противоположном доме. Дальше идем аккуратно, наступая след в след, замечая за собой следы ветками сосны. Подойдя к дому с противоположной стороны от дороги, отгибаю ножом маленькие гвоздики в раме и достаю стекло. Долго воюю с закисшими шпингалетами, пытаюсь сдвинуть их и открыть распашные створки. На это мне потребовалось целых пятнадцать минут, зато в открытые окна даже Берсерк протиснулся без проблем. После того, как я замёл следы, сам залезаю в окно, вернув стекло на место и закрыв створки рамы. Теперь снаружи дом выглядел давно заброшенным, с целыми стеклами и заметённой снегом входной дверью.

Расположившись в комнате, окна которой выходили на дорогу, достали из рюкзаков припасы и устроили перекус. Ели всухомятку, так как запах разогретой еды долго стоит и была вероятность, что его могут учуять идущие долгое время на свежем воздухе преследователи, поэтому перекусили скромно, но сытно. Расселись на ковриках, расстеленных на полу, прильнув к стенам.

Чтобы хоть как-то убить время, принялись рассматривать комнату. Дом был давно заброшен, по ощущениям, более десяти лет назад. Стоял запах сырости, обои местами отслоились и свисали со стен. Кроме голых стен, в доме ничего не было, наверное, хозяева при переезде забрали всё с собой или чуть позже всё выгребли различные мародёры. Судя по старым окуркам, валяющимся на полу, и пластиковым пивным баклажкам, люди тут периодически появлялись. Кто-то из них оставил черным маркером на стене загадочную надпись «МУР лучшая гильдия и еще нагнёт китов. Привет от рыбамага». Потратив минут, пять на попытку понять её значение, я сдался. Решив, что это, скорее всего, что-то геймерское, судя по тому, что упомянута гильдия, рыбамаг или магрыба – никнейм. От скуки, спрашиваю у Кирилла:

- Ты, как я понимаю, хорошо шаришь в тачках?
- В целом да, а что?
- Сможешь объяснить мне принцип работы коробки робота?
- Легко, слушай.

В теме, связанной с автомобилями, Кирилл был как рыба в родной стихии, поэтому он с удовольствием принялся мне рассказывать интересующие меня вещи, а я с интересом слушал. Под его тихий монотонный говор Берсерк уснул через полчаса, а я решил не будить его до утра. За разговорами об автомобилях и различных примочках для них ночь пролетела незаметно, небо за окном начало светлеть. Сначала на горизонте, а потом солнце уверенно разорвало последние ночные сумерки и на улице стало светло.

Прервав разговор, бужу Берсерка. Пока он сидит, растирая кулаками сонные глаза, лезу в свой рюкзак за секретным коктейлем для бодрости. Его часто использовали люди, проезжающие большие расстояния за рулем автомобиля. Несомненно, вредная штука, но если выбирать между сном за рулём и ей, то выбор очевиден. Нам сейчас тоже нужно было быть бодрыми и собранными, поэтому это средство как раз то, что доктор прописал. Хотя я сильно сомневаюсь, что доктор пропишет пить кофе, растворенный в коле, но я клятву Гиппократа не давал. Поэтому с чистой совестью пью сам и даю другим сделать по три глотка. Сонливость отступает и начинается томительное ожидание в полном молчании. Очень надеюсь, что в доме напротив Кузьмич и Витя сейчас тоже сидят наготове, а не дрыхнут как сурки.

Время, казалось, замедлило свой ход. Я уже начал сходить сума от скуки и ожидания. Наконец послышался звук шагов идущего по снегу в нашу сторону человека, я чуть не начал плясать от радости. Показав знаком всем в комнате, чтобы вели себя тихо и не вставали с пола, вслушиваясь в звуки шагов. Они быстро приближаются, а когда шаги стали слышны рядом с домом, я уловил голос Артёма, который шёл и тихо говорил:

– Иду-бгеду, кгучу-вгчу, запутать хочу. Ского будут гости, ждите моего сигнала в гацию!

Артём говорил еле слышно, проходя мимо последних домов, в которых мы укрывались. Не замедляя темпа движения, он пошел дальше. Звуки его шагов стали удаляться, становясь всё тише и тише, пока совсем не затихли и опять настало время мучительного ожидания.

Прошло ещё минут сорок, вдалеке послышались голоса людей, приближающихся к деревне, явно идущих по следам Артёма. Сначала это была просто неразборчивая речь, но по мере их приближения, слова стали хорошо слышны и начал улавливаться их смысл. Судя по голосам, на ходу переговаривались пятеро мужчин и одна женщина. Голос блондинки я узнал сразу и заскрипел от злости зубами, жаль, что кружкой попал ей в мягкое место, а не по затылку.

Охотники на людей шли по следам Артёма и спорили. Темой для спора было количество человек, оставляющих след. Почти все говорили, что беглецов двое и они всю дорогу идут один по следам другого. Но мужской голос всем возражал, утверждая, что невозможно пройти такое расстояние, ни разу не заступив, за след впереди идущего, а значит беглецы уже давно разделились и гоняются они за одним. Преследователи миновали наше укрытие, ничего не заподозрив и почти сразу ожила рация, Артем коротко произнес:

– Огонь.

Я сидел у окна, держа автомат в руках. После срабатывания рации распрямляюсь, как сжатая пружина, вскакиваю, снимая автомат с предохранителя и беря ближайший ко мне человеческий силуэт на прицел. В это время в удалении звучит звук выстрела, один человек с криком падает на землю, громко крича от боли. Я тут же стреляю и убиваю второго. Преследователи не успели даже опомниться, как по ним с двух сторон началась интенсивная стрельба. Из шести человек только двое успели среагировать и упасть на землю, остальные в первые секунды стали легкими мишенями для пуль, так и не успев понять, что произошло, а спустя мгновение и двоих, успевших упасть на снег, настигли пули, укрыться им было негде. К тому же, стреляли по ним с разных сторон, поэтому они не надолго пережили своих товарищей.

Едва стрельба затихла, как Кузьмич выбил ногой раму, выпрыгнул в окно и бросился к лежащим на снегу противникам. Выругавшись, бегу за ним следом. В это время из леса в двухстах метрах от нас звучит еще один выстрел и оживает рация:

– Вы куда ломитесь, как лоси в бгачный пегиод? Там двое шевелятся, одного я успокоил, сейчас втогого тоже минусану.

Кузьмич, услышав это, ускорил свой бег и с разбегу прыгнул на лежащую на кровавом снегу блондинку, накрыв её собой. Вновь заработала рация, Артём удивленно произнес:

– Кузьмич, ты совсем сбгендил от тоски по женскому телу?! Ты что, собгался совокупиться с этой пгостгелянной тварью пгямо на снегу? Я тебе чуть еще одну дыжку в заднице не сделал, уже почти выстгелил в девку, и тут твоя задница в пгицеле появилась!

Кузьмич, лежа на стонущей от боли блондинке, достал рацию и заорал:

– Вернулся, пёс картавый, и давай сразу пакости строить! Сначала хочешь всех нужных мне свидетелей добить, потом меня на прицел берешь! Всё, выходи из своего леса, иди сюда и больше не стреляй, мы тут сами порешаем.

– Тогда не гешайте без меня, хочу своими глазами видеть тебя в голи беспгистгастного судьи. С учётом того, что ты кинулся как дикий звегь на эту бабу, згелище должно быть интегсным. – проговорил Артём и отключился.

Кузьмич слез с ахающей от боли блондинки, спрятал рацию в подсумок. В это время подошли Витя, Кирилл и Алёшенька. Встав полукругом вокруг раненой, замерли, с любопытством ожидая развития событий. Кузьмич с видом триумфатора достал свою фляжку, стал с наслаждением делать маленькие глотки, смакуя каждый. Я закурил в ожидании, пока показавшаяся у леса маленькая фигурка Артема преодолееет разделяющее нас расстояние и начнется допрос. Все смотрели на лежащую на снегу некогда красивую блондинку. Сейчас её волосы были растрёпаны, а красивые черты лица обезобразила гримаса ярости и боли. У неё были прострелены правое плечо и левая нога ниже колена. Раны сочатся кровью, придавая снегу красные оттенки. От боли она кусает свои губы до крови, иногда издавая мучительные стоны. Кирилл достаёт из своего рюкзака аптечку, поколдовав со шприцом и ампулами, ловко делает ей пару уколов. Я с удивлением спрашиваю у него:

– Ты что, решил её исцелить?

– Нет, я сделал ей обезболивающее, чтобы она могла говорить, а то сейчас будет стонать от боли или вообще потеряет сознание, от болевого шока.

– Не знал, что ты медик.

– Потому что я не медик, но курсы первой помощи проходил и вроде помню. Тем более, риск невелик, в случае ошибки умрет, и черт с ней. Всё равно, как я понимаю, лечить её и спасать никто тут не собирается.

Блондинка затихла и внимательно вслушивалась в наш разговор, даже слезы перестали стекать из её глаз по лицу. Наверное, в глубине души у неё появилась надежда на своё спасение благодаря своей красоте и нашей человечности. Зарождающуюся в ней веру в человечество мгновенно убил наконец-то дошедший до нас Артём. Склонившись над раненой, он посмотрел ей в глаза и спросил:

– Помнишь меня, кагтавого ленивца?

Девушка, сделав над собой огромное усилие, растянула губы в улыбке, которая уже не была сексуальной, а, скорее, напоминала страшный оскал, и произнесла:

– Меня не в мозг подстрелили, сладкий мой картавчик, помню.

В следующее мгновение Артём, глядя ей в глаза, вернул улыбку и распрямился. А потом несдержанно со всей силы ударил ей ногой по носу, от чего тот с противным хрустом свернулся набок и из него брызнула кровь. Девушка заорала от боли, из поломанного носа ручьём текла кровь, пачкая губы и подбородок.

Кузьмич, не ожидавший такого от своего друга, оттолкнул его и сказал:

– Картавый, хватит наносить ей увечья, ты что, сadyга?

– А ты чё гаспегеживался, со свегнутым носом она у тебя уже не вызывает желания?

– Дурак, мне нужно ей задать пару вопросов, а ты мешаешь! Сначала вообще хотел застрелить, вот я и лег на неё, чтобы помешать тебе это сделать. А теперь ты ей шнобель сломал, прошу, отстань от неё!

– Я бы на тебя посмотрел после того, как она со своими джужками тебя по лесу целые сутки погоняли. А то нашелся тут заступник благогодный, ты сидел в комфогте и попилвал своё бухлишко. Хген с тобой, больше не буду эту пададь тгогать, используй её как хочешь.

Оттолкнув от себя Кузьмича, Артём подошел к раненой блондинке и сказал:

– Вот видишь, обещал сломать нос и сломал. А тепегь тебя ожидают любовные утехы и особо извгащённой фогме, со стагым алкашом. Пгиятно пговести вгемя.

Сказав это, он развернулся и пошагал к лежавшим на снегу трупам своих преследователей, а девушка стонала от боли, лежа на снегу, вся перепачканная в крови. Кузьмич, убедившись, что Артём ушел и больше не будет её бить, присел рядом с ней на корточках и завёл разговор:

– За дело получила, сама знаешь. А про секс со мной он соврал, хоть ты и была красивая до того, как тебя тут подстелили, но являешься ты подлой тварью. К таким я даже рукой брезгую притрагиваться, не говоря уже о других частях тела. А теперь мне нужны ответы на вопросы. Лучше тебе по-хорошему отвечать, но, если что, могу позвать картавого. Уверен, он считает, что у тебя не только нос был не в порядке, но ещё и зубов слишком много.

Блондинка, преодолевая сильную боль, тихо проговорила:

– Обойдёмся без этого садиста, спрашивай.

– В магазине у железнодорожного переезда, откуда ты со своими друзьями начала погоню, в одной из комнат мы обнаружили множество документов, которые принадлежали людям. Я не верю, что множество людей от скуки сами их там сложили ровными сопками и пошли дальше по своим делам. Это трофеи вашей шайки сбрендивших охотников на людей?

Услышав вопрос, девушка задумалась, а потом внезапно её зрачки расширились и она, не обращая внимания на боль, начала истерично смеяться, повторяя сквозь смех:

– Всё из-за него! Это всё из-за него!

Все стояли в растерянности, не ожидая такой реакции на вопрос. Первым опомнился Кирилл, нагнувшись над пребывавшей в истерике с циклотимией блондинкой, он отвесил ей две звонкие пощечины. Её ненормальный смех затих, а глаза обрели осмысленное выражение. Кузьмич решил тоже прибегнуть к одному из простых и действенных народных средств. Достав фляжку, он надавил ей пальцами на лицо, заставив её разжать челюсти и щедро влил водку ей в рот, от чего у блондинки на лоб глаза полезли, она зашлась в приступе кашля. Дождавшись, когда она прокашляется, он спросил:

– Что тебе показалось таким смешным в моём вопросе? О ком ты говорила «Всё из-за него»?

– Бабка! Это все из-за него! Я уже забыла про него, пока ты не напомнил мне про те документы!

Все, кто слышал её слова, недоумённо переглянулись. Наёмник Викинг нас предупредил, что в этих краях обитает мифическая Бабка, но его слова всерьёз никто из нас не воспринял, решив, что это байка-страшилка, которые люди иногда любят рассказывать вечерами, сидя у костра. Пока все молча стояли, обдумывая услышанное, Кузьмич посмотрел на Артёма, обыскивающего неподалеку от нас труп, и проорал:

– Э, картавый, чеши сюда, ты должен это услышать! Только без своих садистских замашек, держи себя в руках.

Артём, сидя на корточках возле трупа, вертел в руках, рассматривая принадлежащее убитому, оружие. Услышав слова Кузьмича, он бережно положил оружие на труп сверху и направился к нам. Дождавшись, пока Артём втиснется в наш плотный круг, который образовался вокруг раненой блондинки, Кузьмич успокоил:

– Не бойся, красотка, он больше тебя не тронет. Что ты там про Бабку говорила?

С опаской посмотрев на подошедшего Артёма, она, периодически издавая от боли стоны, тихо заговорила:

– Это всё чертова Бабка, я не верила в это, но, судя по тому, что все мои друзья мертвы, а я тут лежу с двумя лишними дырками и сломанным носом, все слухи правдивы и проклятия этого сумасшедшего работают.

Снова повисла тишина, которую я нарушил, прикуривая сигарету, чиркая зажигалкой. Делая глубокую затяжку, подумал, что Кузьмич будет задавать один и тот же вопрос бесконечно, беру инициативу в свои руки. Сделав еще пару глубоких затяжек, спрашиваю у блондинки:

– Мы поняли, что ты считаешь, что этот мифический Бабка вас проклял, расскажи сначала, как вы с ним встретились?

Посмотрев на меня, она облизала пересохшие губы и ответила:

– Я расскажу, только дайте мне попить воды.

Кирилл в очередной раз проявил сострадание, поднес флягу с водой и держал её, пока раненая пила воду. Закончив пить, она сделала глубокий вдох и заговорила:

– Этот проклятый магазин мы нашли в первые дни катастрофы, когда наша компания из тех, кто смог выжить, собралась вместе. Мы приняли решение уезжать из города. У нас был, можно сказать, кружок по интересам из двадцати человек и обустроена за городом база. Так мы называли построенную на общие деньги дачу, где можно было оттянуться на выходные и хранилось то, что нельзя держать дома. Незарегистрированное оружие, и всё что с ним связано.

В городе творилось настоящее безумие, зомби с каждым часом становилось все больше. Правительство, вместо того чтобы распространять информацию, рассказывая людям, что произошло и раздать всем оружие, предпочло молчать до последнего, отключить мобильную связь, чтобы не поднимать панику, поэтому у людей не было шанса, зомби каждый час росли в геометрической прогрессии, а люди не знали, что происходит и как им с этим бороться. Укушенные на улице добирались до дома и, обращаясь, нападали на свои семьи. Пассажиры грызли других пассажиров и водителей. Сотрудники кусали клиентов и наоборот. И никто не знал, что происходит, люди обрабатывали укусы перекисью или зеленкой, заматывали бинтами и успокаивались. Если, конечно, им повезло получить не смертельные раны, а пару несильных укусов и добраться до дома или другого безопасного, в их понимании, места, где не было монстров с красными глазами. Только они сами становились такими и нападали на всех, кто был поблизости.

Когда мы прорывались из города на трёх машинах, чего только не насмотрелись. Люди бегали от чудовищ, в панике кидаясь под машины. Мы сбили двух таких несчастных, не специально, они сами неожиданно выскочили нам под колеса, спасаясь от зомби. Одни полицейские пытались защищать людей, другие бросились домой, на защиту своих семей. Были и те, кто, даже не снимая формы, тут же начал грабить людей и магазины.

Несмотря на растущее с каждой минутой количество зомби, выживших людей было ещё очень много. Одни спешили домой и там закрывались, другие, наоборот, пытались сбежать из города, осознав, что он обречен. Кто-то хотел попасть на вокзал и на поезде уехать в Москву, думая, что столица выстоит, не зря же там правительство находится. Многие, наоборот, устремились подальше от больших городов, на дачи или в деревни. А кто-то предпочел уйти глубоко в лес и там осесть, но таких было мало, требовались хорошие навыки, чтобы прожить в лесу зимой.

Большие людские массы пришли в движение, причем движение было паническое и неорганизованное. Уже никто не думал о штрафах, правилах дорожного движения и прочих пустяках, когда на кону стояло спасение жизни. Повсюду происходили автомобильные аварии различной степени тяжести. На содранную краску и мятые элементы кузова уже никто не обращал внимания и даже не сбавлял скорость, притерпевшись с другой машиной.

Облизав пересохшие губы, она попросила воды, Кирилл достал флягу и ещё раз помог ей смочить пересохшее горло. После этого она продолжила свой рассказ:

– Выбраться из города нам было не тяжело, команда у нас была сплочённая и имелось легальное оружие. Но все равно, неприятностей в пути избежать не всегда удавалось. Одна из таких неприятностей – крупная авария с упавшей на бок фурой. Она преградила весь мост, и, чтобы нам попасть на нашу дачу, пришлось делать большой крюк по другой дороге. Там нам и попался этот злосчастный магазин. Когда мы к нему подъехали, то увидели уже последствия произошедшей в нём трагедии.

Когда мы приехали, у железнодорожного переезда стояла большая колонна военных, а вокруг магазина и внутри валялись расстрелянные ими зомби. Один солдатик нам рассказал, что когда колонна проезжала мимо, то магазин буквально кишел тварями, помогать тут уже было некому. Военные со всех стволов покروшили мертвяков, решив, что в живых не осталось ни одного человека, и стояли, ожидая дальнейших распоряжений от командования. Внезапно из магазина показался молодой парень в красном шлеме на голове. Вояки его чуть не шлепнули, подумав, что вылез еще один зомбак, но рассмотрели его обычные глаза и не стали стрелять. Парень молча стал перетаскивать трупы за дом, вынимая у них из карманов документы. На вопросы и попытки завести с ним беседу не реагировал, как будто был глухонемым.

Потом вояки услышали за домом звяканья лопаты, а заглянув туда, увидели, что парень стал копать могилу. Командир, увидев это, отдал бойцам приказ помочь странному парню. Солдаты взяли в руки лопаты и быстро вырыли большую братскую могилу. Захоронив всех зомби, парень, не говоря ни слова, ушел обратно в магазин. Там он принялся раскладывать на столе документы, внимательно изучая их и разглядывая лица на фотографиях, а военные вернулись к машинам, ожидая, пока командование вышлет им новые координаты, куда следовало выдвигаться колонне.

Вот в это самое время мы там и появились. Покурили с вояками, послушали от них ужасистики, и они отчалили. А мы решили «закупиться» в магазине, тем более, с появлением зомби, магазины стали предоставлять всем выжившим клиентам сто процентную скидку, грех было не воспользоваться.

Тут и произошла наша роковая встреча с Бабкой. Его мы обнаружили сидящим за столом, на голове был красный мотошлем, на столе перед ним были аккуратно разложены стопками документы. Увидев нас, он начал нести чушь про ремонт крыш, всё время повторяя, что «сделает недорого и быстро». Димка Кабан, парень из нашей компании, здоровый и очень вспыльчивый малый, не вытерпел и велел ему заткнуться, а когда сумасшедший со шлемом на голове не внял его просьбе и продолжал приставать со своим ремонтом крыши, прогнал его пинками из магазина. Тогда этот Бабка выглядел как обычный парень, сошедший с ума от пережитых им кошмаров. Была тогда одна странность, на которую мало кто обратил внимание – рядом со столом стоял красный газовый баллон с прикрученными к нему шлангами и горелкой. После того, как Кабан выгнал бабку, из комнаты пропал баллон, кто-то еще заострил на этом внимание, но нам он был не нужен, поэтому тут же забыли о случившемся. А значительно позже пошли слухи о том, что в этих краях обитает странный парень по прозвищу Бабка, и по описанию выходило, что это тот сумасшедший из магазина. Мы еще, услышав страшные истории про проклятия Бабки, долго ржали, а сейчас мне что-то совсем не смешно.

Блондинка, окончив свой рассказ, замолчала, облизывая языком пересохшие губы. Вокруг неё воцарилась тишина, все думали над рассказанной ею историей. Кузьмич стоял с таким лицом, как будто съел кислый лимон. Посмотрев на блондинку, он подытожил:

– Эх, красавица, у меня вопросов больше нет, хотя, признаться честно, вовсе не этого я ожидал от тебя услышать. Теперь тебя можно...

Договорить он не успел: что случилось в дальнейшем, повергло всех в состояние шока, а Кузьмич так и остался стоять с открытым ртом.

Берсерк, услышав, что Кузьмич узнал от неё всё, что хотел, молниеносным движением поднял свою кувалду и со всей силы обрушил на голову несчастной. Голова с противным хру-

стом костей лопнула, как перезрелый арбуз, разбрызгивая содержимое черепной коробки в разные стороны, а тело задёргалось в конвульсиях.

Все стояли, смотря в ужасе на Берсерка. Алешенька с невозмутимым видом поднял свою страшную кувалду, которая была перепачкана кровью с прилипшим клоком белых волос, и с абсолютно невинным видом уставился на нас, как будто ничего не произошло и перед ним сейчас не лежит тело, на котором от головы осталось только два уха и мешанина из костей, волос, мозгов и крови. Первый пришел в себя Кузьмич, закрыв рот, он сделал глубокий вздох и, выпучив глаза, начал орать:

– Ты чё, совсем ополоумел, садист херов, хуже картавого! Ты зачем ей башку своим кувалдометром разmozжил?!

Алешенька посмотрел на Кузьмича своими по-детски невинными глазами и удивленно пробасил:

– Ты сам сказал, как задашь ей вопросы про документы, можно будет ей голову кувалдой разбить...

– Да б@... Я же не в прямом смысле это имел в виду, маньячина хренова, а в переносном!

– В переносном? – удивленно переспросил Берсерк, явно не понимая, почему Кузьмич на него злится, если он сделал всё так, как он говорил.

Кузьмич, пребывая в ужасе от увиденного, только сейчас понял, что сам косвенно виноват в случившемся, говоря с Алешенькой метафорами, которые гигант принимал за чистую монету. Сплюнув, он выругался:

– Да ну вас всех на...! Сначала картавый садист учудил, теперь ты довершил своей кувалдой натюрморт! Одни маньяки и садисты, с кем я связался, это пиз...!

И разразился длинной матерной тирадой, приличными в которой были только предлоги, остальное – отборный мат. Ругаясь, как не каждому дано, он махнул рукой. Отойдя в сторону, начал пить большими глотками из своей фляги. Артём, посмотрев на своего друга, согласился:

– Неоднозначная ситуация. То, что эта падаль заслуживала смегти – бесспорно, но, всё гавно, как-то слишком жестко вышло. Но что случилось, то случилось. Пошли трофеи собигать. Пока вы тут ей восхищались, я пгобежался по тгупам, есть там очень достойные стволы!

Потом, увидев Кузьмича, мрачно пьющего, он участливо поинтересовался у него:

– Что так пегеживаешь, всё же были на неё планы, а тепегь не возбуждает?

– Отвали, поехавший, у тебя проблемы не только с буквой Р, но и с мозгами.

– Не обижайся, хочешь анекдот смешной гасскажу?

– По-твоему, я сейчас хочу посмеяться над анекдотом? Иди к козе в трещину.

– А я все гавно гасскажу!

«Что будет, если сбить пгоститутку на гтассе?»

Пегвые полчаса бесплатно, пока теплая и не окоченела!»

Кузьмич, покрутив пальцем у виска, закурил сигарету и молча отошел подальше от Артёма.

Артём, явно довольный своим черным юмором, направился к мертвым врагам и принялся рассказывать, беря в руки трофейное оружие, как нам повезло с пополнением огнестрельного арсенала. Держа в руках карабин, он восхитился:

– Гебята явно были пги деньгах и стволы имели очень даже неплохие. Вот это – «AR-15» или АГка в пгостонагодье, винтовка, вошедшая в миговую истогию нагавне с автоматом Калашникова. Так же, как и Калаш, АГка имеет по всему мигу множество коммегческих клонов. Модульность огужия и низкий вес системы позволяли собигать индивидуальные мультикалибегные гешения на свой вкус. К основному калибгу ганьше можно было пгиобгести допол-

нительные стволы другого калибра, под натовские и госсийские калибры, что делало карабин очень универсальным инструментом.

Всучив карабин Кириллу в руки, он быстро обшарил труп, найденные патроны и другие нужные вещи кинул в свой рюкзак. Подойдя к следующему телу, взял его оружие в руки и сказал:

– А вот это известный всем, кто в свое время играл в Сталкега, Винтогез – он же «ВСС» (Винтовка Снайпегская Специальная), только в исполнении для гражданского гынка, под нагезной патгон калибра 9х39. Изначально он сильно отличался от оригинального Винтогеза, вместо глушителя на стволе имел кожух-бутафогию. Но была мастега с пгямыми гуками, котогые с помощью тюнинга, на ггани закона, доводили винтовку до беззвучной стгельбы. У меня в гухах как газ такой экземплаг, судя по хитгому саундмодегату на конце ствола. Сейчас пговегим.

Сказав это, Артём снял оружие с предохранителя, прицелившись в ближайший дом, сделал три быстрых выстрела подряд. Я с восхищением смотрел на оружие, которое настолько тихо стреляло, что слышно было только металлическое лязганье затвора. Артем довольно улыбнулся и, поставив оружие на предохранитель, проговорил:

– Как я и думал, загяжено дозвукowymi патгонами, что в совокупности с саундмодегатугом не даёт ггомкого пгогыва погоховых газов и не вызывает пги полёте пули акустическую волну. Дегжи её аккумулятно, не сломай своими лапами.

С этими словами, он передал Алёшеньке оружие и, чуть ли не в припрыжку от радости, побежал к следующему трупу. Подойдя к нему, он поднял длинную винтовку, любовно поглаживая её, сообщил:

– А вот эта детка будет моей, гади неё я готов еще неделю водить пгследователей по лесу. Это снайпегская винтовка СВЛК-14С «Сумгак» госсийского пгоизводства, не уступающая загубежным аналогам по хагактегистикам, даже в большинстве случаев пгевосходящая их. Ей пгинадлежит немало гекогдов в газличных дисциплинах. Стоила такая кгасотка, как пгиличный автомобиль. Как вы понимаете, на такую винтовку никто не будет ставить дешёвый пгицел из Китая, поэтому с хогошим оптическим пгицелом её стоимость обычно умножалась надвое. С одной стогоны, она была доступна в нашей стране на ггражданском гынке, но, как вы понимаете, из-за стоимости далеко не каждый мог позволить себе её купить. Штучный, эксклюзивный товаг. Поэтому много кто облизывался на неё и мало кто дегжал в гухах.

Так, продолжая рассказывать про найденное нами у убитых отморожков оружие, Артём собрал все трофейные стволы и святился от счастья. Я тоже смог по достоинству оценить улов. В банде не было ни одного Калаша или СВД, по сравнению с ними, мы были как бомжи со своими калашматами. Что, впрочем, не помешало нам их всех тут перестрелять. Но, если быть честным, то главную роль в этом сыграло не оружие, а грамотно выбранная тактика и хитрый план Артема. Поэтому он вполне заслуженно может радоваться, что его не подстрелили, и тискать трофейные стволы.

Тем временем, Артём, рассказывая про найденные образцы, раздал их нам, оставив себе так понравившуюся ему снайперку. Трупы были тщательно обысканы, всё, что представляло для нас ценность, смарадёрено. Не избежал этой участи даже изуродованный труп блондинки. Конечно, то, что сделал Берсерк, было неожиданно и ужасно. С другой стороны, это сняло с нас все вопросы, относительно дальнейшей судьбы этой красивой, но коварной кровожадной бестии. Поэтому, когда первый шок от крайне неприятного зрелища отошел, Берсерку претензии не предъявил ни один человек. А сам он поражал своей невозмутимостью и обманчивой внешностью. С виду большой и наивный ребенок, но сломать или убить человека ему – как муху раздавить. А самое главное – его не будет после этого терзать совесть. Сказали «плохой» и надо убить – значит, так надо. В его мире всё предельно просто: есть цвета и нет множества оттенков.

Окидываю взглядом место недавней засады, все вещи собраны. Друзья кучно стоят, рассматривая трофейное оружие и обсуждая его. Даже Кузьмич перестал дуться и что-то с улыбкой говорил Артему. Всё, пора возвращаться к машинам и продолжать свой путь по намеченному маршруту, и так потеряли много времени с этой шайкой негодяев, сначала убегая от неё, потом, наоборот, ожидая. Отбросив ислевшую сигарету в сторону, говорю:

– Всё, покидаем это уютное и гостеприимное место! Нам еще до машин предстоит топтать. Думаю, что ни у кого нет мыслей о похоронах этих душегубов? Моё мнение – пусть их кости таскают птицы.

Другого мнения никто не высказал, поэтому сборы были недолгими, спустя пару минут, мы выдвинулись к спрятанным в лесу машинам.

За километр от деревни нам попался одиноко бредущий по полям в нашу сторону зомби, удивительно, откуда он тут взялся. Наверное, услышав звуки выстрелов, решил, что там можно будет полакомиться. Артём, заметив его ещё издали, долго рассматривал чудовище в прицел своей новой винтовки, но потом с сожалением произнёс:

– Нет, не буду я тгатить дефицитный патгон на говном месте. Газ Бегсегку некуда девать свои силы, то пусть ещё кувалдой своей помашет.

Берсерк молча пожал плечами и пошел первым, с кувалдой в руках. Когда расстояние сократилось, зомби увидел нас. Казалось, что он обрадовался встрече, вытянув руки вперед, как будто собираясь сжать в крепких объятиях своих старых друзей, он прибавил скорость. До объятий дело не дошло, сильный удар кувалды сбоку, в голову, заставил его улететь в сторону, перекрутившись пару раз в воздухе и на веки затихнуть, упав в снег с проломленным черепом.

Больше по пути ничего примечательного не произошло. Машины стояли так же, как мы их оставили, замаскированные ветками, посторонних следов рядом не было видно.

Глава 5. Ранчо

“
Конь в пальто
”

Раскидав в сторону ветки, погружившись в автомобили, тронулись. На этот раз со мной в машине ехал Кузьмич и Витя, во втором броневике, следом за нами, Артём, Кирилл и Алёшенька. Кузьмич был понурый, страшная расправа над блондинкой и проигранный мне спор испортили ему настроение. Сев рядом со мной в пассажирское кресло, он устался на весело крутящегося страуса и обратился к нему:

– Хорошо тебе, да? Знай себе катайся в машине и крутись, не жизнь, а мёд.

Услышав это, я улыбнулся и сказал:

– Кузьмич, это мой страус – собеседник и психоаналитик в одном лице, ищи себе другого. И вообще, не ты ли не так давно упрекал меня за разговоры с ним, крича о дурке и шизе?

– Пипец ты жадный, игрушку для товарища зажал, у меня на душе дерьмово, кошки скребут, закапывая это самое дерьмо, и никак не закопают. Всё достало: люди, обнажившие свои гнилые натуры, нелепые и страшные смерти вокруг, непонятные мифические бабки в красных шлемах. Вот и хочу балдеть, как этот страус, и ничего не делать.

– Да ты через полдня, проведённого без бухла, начнёшь от чертей бегать, а через неделю руки на себя наложишь.

Кузьмич перевел взгляд со страуса на меня и сдался:

– Ладно, ладно, ты выиграл спор, признаю. Хотя это очень обидно, я был уверен, что это трофеи этих охотников, гореть им в аду.

– Я уже думал, что ты сейчас скажешь: «Забирай свои игрушки и не писай в мой горшок, ты мне больше не дружок». Хватит себе голову этим спором забивать, как будто корову проиграл. Всё равно вместе выигрыш разопьём.

– Ну, хоть это утешает. Сколько нам еще до этих ковбоев примерно ехать?

– Двадцать километров осталось. И смотри там такое не ляпни, а то посадят тебя на бешеного быка или что там у них за развлечения раньше были, уже не помню. Помню только, в фильмах у всех револьверы, ботинки с колесиками и обязательные драки, во время которых пианист оживляется и начинает играть бодрую музыку.

Все засмеялись, потом Витя заговорил:

– Я тут посмотрел, как эти граждане, которых мы убили, были вооружены.

Кузьмич не дал ему договорить и смеясь добавил:

– И записал их в буржуев и врагов народа? Стволы дорогие, значит это не рабочий класс, а проклятые капиталисты и угнетатели были, я угадал?

Витя посмотрел на бесцеремонно влезшего в разговор Кузьмича, злобно сверкнув очками, продолжил:

– Угадывать, равно как и думать, – это явно не твоё. Речь шла не о классовой принадлежности, если у них с собой такие игрушки, то что осталось на их базе? А этого мы никогда не узнаем благодаря, как раз, тому, что ты не думаешь, что говорить. Именно из-за твоих неосторожных слов, Берсерк своей кувалдой превратил голову пленницы в кровавую кашу. А нам теперь не узнать, где осталась их база и вещи.

Кузьмич от возмущения перестал дышать, с каждой секундой все больше выпучивая глаза. Казалось, еще чуть, и они выскочат. Потом, сделав глубокий вздох, он заорал:

– Ты, четырёхглазый, самым умным себя считаешь?! Тогда я тебе напомним одну маленькую деталь, которая, судя по всему, отразилась от твоей лысины и не попала в мозг! Именно

благодаря мне эта перегидридная курица жила еще пятнадцать минут! Если бы я вас всех не упрашивал оставить одного для допроса, вы бы всех положили! И кто, по-твоему, её спас, накрыв своим телом, чтобы картавый не добил её выстрелом? Ты?!

Витя досадливо поморщился и проговорил:

– Кузьмич, ты вообще умеешь нормально разговаривать, как это принято в приличном обществе?

– Я много что могу, но не хочу! Что значит «приличное общество»? Это ты сейчас про лицемеров, которые раньше улыбались друг другу в глаза, а за спиной крыли матом? Я тогда пил настойку боярышника, и мне было хорошо. А сейчас вообще неважно, приличный ты или нет! Как думаешь, у кого сейчас больше шансов выжить, у того, кто закончил Гарвард и знает пять языков, или у кого есть жратва и оружие?

– При чём тут Гарвард? Человеком важно оставаться в любой ситуации, для этого и придуманы правила приличия.

Кузьмич громко засмеялся и полез за своей флягой. Сделав три мощных глотка, он мощно выдохнул, отчего угол лобового стекла с его стороны мгновенно запотел. Вытерев рот рукавом, он произнёс:

– Я считаю, правила для того и придуманы, чтобы их нарушать. Вот, например, скажи мне, какой дурак решил, что по выходным можно пить, а по будням, особенно с утра, неприлично?

– Видел я на заводе таких любителей с утра залить глаза. Бывало даже, что видел не целого человека, а то, что от него осталось после того, как его станок перемолол. Или утром, в автобусе, вдыхать алкогольное «амбре» от стоящего рядом алкаша, думаешь, приятно?

– Не знаю, я был по другую сторону, тем самым алкашом, и мне было просто охренительно. И вообще, ты достал быть таким правильным и нудным, хочешь, я тебе сейчас, в нарушение всех мыслимых правил и норм, в карман нассу? – пьяно произнес Кузьмич, изображая почти голливудскую улыбку, но, поскольку у него было во много меньше, чем тридцать два зуба, то получился, скорее, безумный оскал.

Витя, на всякий случай, отодвинулся подальше и замолчал. Я спросил у Кузьмича:

– Ты в туалет хочешь? Остановить машину?

– Это будет зер гуд, но это не обязательно, могу и Виктору в карман надудолить.

Зажав на рации клавишу, говорю:

– Артём, нужно сделать остановку, у нас тут Кузьмич грозит устроить потоп, если мы его не выпустим, прижимайся за нами на обочину. Приём.

– Пгинял, Кузьмич ссыкун, пагкуемая на обочине. – отозвалась рация голосом Артёма.

Я снизил скорость и направил автомобиль на обочину, второй броневик последовал моему примеру, остановился позади нас. Раз пошла такая пьянка, то я тоже схожу полью деревце. Судя по тому, что все повылазили из машин, не один я так подумал. Быстро сделал свои дела и выкурив по сигаретке, рассаживаемся по машинам и трогаемся.

На полностью пустой дороге изредка попадались брошенные машины и бесцельно бродящие зомби. Дальнейшая поездка прошла спокойно и не принесла нам сюрпризов. О том, что мы прибыли на первую точку запланированного маршрута, я понял еще до того, как увидел само поселение. Сначала началась дорога, явно расчищенная от снега, потом я увидел машины со следами пулевых отверстий, сдвинутые чем-то мощным на обочину. На дороге стояли бетонные блоки, растянутые в шахматном порядке, кем-то заботливо покрашенные в красную полоску, как раньше любили делать в армии. Сбоку от блоков, на обочине, стоял большой рекламный щит.

В городе таких было много. Обычно, перед выборами там появлялись большие плакаты на каждом шагу, на тебя начинали отовсюду смотреть лоснящиеся рожи кандидатов, обещающих отдавшим за него голос избирателям райскую жизнь. Только беда в том, что, глядя на

дядю, чей костюм на фото стоил, как две годовых зарплаты обычного человека, а в его алчных глазах, если внимательно присмотреться, можно было увидеть, как лопаты гребут деньги тех, кто осмелился отдать свой голос за этого преуспевающего джентльмена, выросшего из коротких штанишек и рвущегося к действительно большим бюджетным деньгам, то веры предвыборным обещаниям, данных джентльменом, не было ни капли.

Не знаю, что было в мирное время на этом плакате, теперь его украшала сделанная от руки кисточкой, всё той же красной краской, что и на блоках, надпись: «Ранчо Конь в пальто, корова в шубе», а ниже приписка: «Мы всегда вам рады, если вы с благими намереньями. Во всех других случаях посмотрите, что стало с теми, кто пришел со злом в сердце и теперь их тела гниют в гряде автомобилей на обочине. Подумайте еще раз, пока есть возможность развернуться и уехать».

Понятно, народ тут зубастый и веселый, судя по надписи и скоплению расстрелянных автомобилей на обочине. Наши намерения были самими что ни на есть благими, поэтому я смело направляю броневик на маленькой скорости вперед, крутя рулём в разные стороны, объезжая многочисленные блоки, стоящие в шахматном порядке. Затея простая и вполне понятная: к поселению сохранилась дорога, но ехать, лавируя между блоков, возможно только на маленькой скорости, а значит враги с наскока не возьмут поселение, быстро подъехав к воротам. Пока они будут ползти между блоков, их успеют заметить, а если нужно, то и расстрелять. Поэтому я ехал аккуратно, чтобы не сбить блоки и не повредить машину.

Справа, за деревьями, показался высокий забор, огораживающий территорию поселения. Сделан он был из дерева, явно на скорою руку, о чем свидетельствовала его кривизна на некоторых участках. Но, несмотря на непрезентабельный внешний вид, забор был высокий и крепкий. Спереди показались большие ворота, тоже из дерева, но, в отличие от забора, они были усилены металлическими полосами. По обе стороны от ворот на стене возвышались две вышки. Находящиеся в сторожевых вышках люди просматривали всю стену и проходящую вдоль неё, заставленную бетонными блоками, дорогу. Наблюдатели заметили наши машины давно, и теперь ожидали нас, держа на прицеле.

Доехав на малой скорости до ворот, я остановился и заглушил мотор. Люди на вышках всё так же стояли, держа нас на прицеле. Тогда, наклонившись ближе к лобовому стеклу, чтобы меня хорошо было видно, развёл руки в стороны, спрашивая этим нехитрым жестом, что мне делать дальше. Один из охранников показал в ответ жест, поведя стволом винтовки в сторону. Смысл его жеста был интуитивно понятен, он предлагал выйти из машины.

Сказав по рации всем, кто во второй машине, тоже выходить на улицу, без оружия, и молчать, выхожу из машины, дождавшись, пока все мои товарищи тоже окажутся на улице, спрашиваю у охранников:

– Что дальше? Плакат с предупреждением мы видели, наши намерения благие.

Не переставая держать нас на прицеле своих оружий, один ответил хриловатым басом:

– Вам придётся немного подождать, пока к воротам прибудет шериф, все переговоры с ним. За ним уже послали.

– Хорошо, покурить, ноги размять можно, не стрельните в нас случайно?

– Курите, сколько угодно. Если не будете делать резких движений, то можете не опасаться, мы люди мирные.

Кузьмич, сделав пару глотков из фляги, начал, приплясывая, громко петь:

– Я – кукарача, я – кукарача! Кукарача – я! Кукарача! Я кукарача!

Пришлось его осадить, напомнив, что лучше не шутить шутки с теми, кого ещё не знаешь, вдруг обидятся, а мы сюда не ссориться приехали. Артем меня поддержал, одёрнув его:

– Слышь, кукагача, что за петушиные песни и танцы ты тут устроил? Не позогь нас пегед людьми, или мы скажем, что не знаем тебя.

– Зато тебя – большая честь знать! Люди после знакомства с тобой перестанут мыть руки и будут всем хвалиться, говоря: «Представляете, я жал руку самому Артёму! Да-да, тому самому, кто сексуально произносит кукаГача!». Так что лучше замол...

Перепалку оборвала открывшаяся сбоку от ворот дверь, оттуда вышел человек и, остановившись, замер, рассматривая нас. А мы, в свою очередь, уставились на него.

Я ожидал увидеть типичного шерифа со звездой, револьверами на поясе и шляпой на голове, но у калитки стоял мужик в гаишной форме с майорскими звездами на плечах. Из-под форменной шапки торчали светлые волосы, а голубые глаза внимательно рассматривали нас. Оглядев каждого, он представился:

– Шериф Горожанкин.

Не успел я и глазом моргнуть, как Кузьмич подался вперед и съехидничал:

– Шериф, говоришь? А больше похож на мента.

Посмотрев на Кузьмича и улыбнувшись, шериф ответил:

– Так и есть, гаишник, если быть точным. У тебя какие-то проблемы с законом?

– Да какой сейчас закон может быть? Сейчас каждый живет по своим законам.

– Это верно.

Артём, внимательно присматривающийся к шерифу, сказал:

– А я его знаю, он мотобатовцем ганьше был! Я от него много газ на своей «Бусе» удигал!

Внимательно всматриваясь в лицо Артёма, Горожанкин спросил:

– Какого цвета у тебя была «Буса»? Мот был на номерах?

– Чегная, с красными полосами. Да, на номегах.

Шериф заметно оживился. Было заметно, что воспоминания о былых временах ему приятны. Сognaв улыбку с лица, он ответил:

– Это всё весело, но уже не имеет значения. При желании это можно позже обсудить, за чашечкой чего-нибудь вкусного.

А сейчас послушайте наши правила, они очень простые, как и наказания за их нарушение. Поселение выбрало стратегию развития животноводства, в частности крупного рогатого скота, свиней и лошадей, поэтому и решили назвать его Ранчо, из-за параллели с зарубежными аналогами прошлого века.

Тут в почёте те, кто остался людьми и может за себя постоять, поэтому оружие у вас никто не будет забирать, но размахивать им попусту на территории ранчо настоятельно не рекомендую. За порядком слежу не только я, но и мои помощники. А если вы думаете, что этого мало, то имейте в виду, каждый житель поселения вооружен и по первому сигналу превращается в боевую единицу. Поэтому против вас будут абсолютно все, включая стариков, детей и женщин.

А правила простые: за воровство, мошенничество, попытку навредить скоту или угнать его и прочие незначительные проступки предусмотрено наказание в виде позорного изгнания, с выжиганием клейма на лбу. За убийство, изнасилование и другие тяжкие проступки – смерть в силосной яме. Поверьте мне, это не самая лучшая смерть.

Теперь о приятном: у нас есть гостиница и бар. Люди дружелюбны к выжившим, но, если кто из людей опознает в вас тех, кто творил различные бесчинства после того, как мертвецы стали бродить по земле, вас запросто могут разорвать в клочья на месте до того, как я успею прийти. Поэтому еще раз говорю, у вас сейчас есть возможность развернуться и мирно уехать.

Мы переглянулись, в принципе, правила, по современным меркам, ожидаемые и даже гуманные. На рынке, вообще, с оружием нельзя было ходить. А тут, пожалуйста, хоть с гаубицей бегай по ранчо. Хотя, чего им бояться, тут, в отличие от рынка, упор сделан не на охрану, а на то, что каждый житель по сигналу мобилизуется, и у нарушителей не будет шанса выжить при таком раскладе. Поскольку нас все устраивало, а сильных грехов за нами не было, я со спокойной душой произношу:

– Ваши правила нас не пугают, даже наоборот, вызывают уважение. Мы бы хотели у вас остановиться на денёк, передохнуть и продолжить свой путь.

– Хорошо. А куда вы путь держите, если это, конечно, не секрет?

– Секрета нет, мы из города и проверяем слухи про мирные поселения для того, чтобы потом наладить с ними торговые маршруты. Поэтому вы нам интересны, куроводы, ну и, конечно, обязательно посетим крупнейшее в регионе поселение – в Нововоронеже.

– Почитатели куриного бога забавные, но добрые и честные люди, у нас с ними уже налажен бартер. В Нововоронеже тоже бывали, там порядок. Вы выбрали правильные места, где люди в безопасности. К сожалению, сейчас много мест, где всё совсем не так. Дороги стали крайне опасны и зомби – не самая большая проблема. Люди – вот настоящая угроза! Повылазила вся шваль: убийцы, каннибалы, поехавшие фанатики, кого только нет, слухи ходят один страшнее другого.

– Нам уже встречались некоторые из вашего списка, поэтому можете не рассказывать.

– Если вы стоите тут передо мной, значит удача определённо вас любит. Сейчас вам откроют ворота, заезжайте на территорию и паркуйтесь у въезда, там увидите площадку. По ранчо движение автомобилей запрещено, за редким исключением, под которое гости точно не попадают.

Закончив говорить, шериф скрылся за калиткой, а спустя мгновение ворота перед нами распахнулись. Заезжаем внутрь и паркуемся на большой открытой площадке, рядом с другими автомобилями.

Внутри поселения царит оживление, воздух наполнен разнообразными звуками. Отчетливо слышно, как стучат топоры и вжикают по дереву пилы. Где-то вдалеке мычат коровы и фыркают лошади. На улице довольно многолюдно, люди неспешно идут по своим делам, с различными инструментами и вёдрами в руках. От ворот, вглубь поселения, ведёт широкая расчищенная от снега дорога, от неё по обе стороны стоят свежестроенные двухэтажные дома из дерева. Если быть более точным, в начале улицы стоят уже полностью построенные, а дальше идет масштабная стройка, именно оттуда раздаются звуки топоров и пил. Плотники работают слаженно, любо-дорого смотреть, как один из домов вдалеке растет на глазах. А его стены растут вверх, от периодически укладываемых брёвен.

В самом начале улицы друг напротив друга расположились гостиница и бар. На вывеске бара было написано: «Салун «Проклятие скотовода»» и нарисованы, танцующие дикие танцы, лошади на задних лапах. Плясали они вокруг валяющегося в грязи пьяного ковбоя с бутылкой в руке. У гостиницы вывеска была поскромнее, с лаконичной надписью: «Гостиница без клопов».

Не знаю, кто придумывал эти названия, но получилось весело и колоритно. Раньше люди старались делать названия более нейтральными, а то можно кого-нибудь оскорбить ненароком. Или специальные службы придут мозг чайной ложкой есть и выписывать штрафы, говоря, что это неприлично. Были и просто люди без фантазии, поэтому по всему городу было немало всяких «Палыч», «Михалыч», «Натали» и прочих названий, происходящих от имени или фамилии владельца.

Решаем начать с заселения в гостиницу. Входим в просторный светлый холл, внутри приятно пахнет свежим деревом. Интерьер довольно простой, стены из кругляка, полы из обструганных досок. Напротив входа деревянная стойка с администратором за ней. Он увлеченно что-то вырезает ножом из дерева. Увидев нас, улыбается, не выпуская из рук нож и деревянную заготовку, приветствует.

– Вижу новые лица! Вы первый раз у нас? – спросил он с добродушной улыбкой.

За стойкой я заметил стоящий на оружейной пирамидке простенький помповый дробовик 12го калибра, отечественного производства. Шериф не шутил, когда говорил, что люди

тут добрые, но в любой момент могут взяться за оружие и навести порядок. Улыбнувшись ему в ответ, отвечаю:

– Да, у вас впервые, нам нужны комнаты для семерых человек.

– Замечательно. У меня в гостинице есть разные комнаты, отличаются они размерами и количеством кроватей. Есть комнаты с одной кроватью, двумя, пятью и десятью. Сами решайте, какой из вариантов вам более подходит.

– Спасибо, сейчас мы посоветуемся и выберем.

Отойдя от стойки и встав в круг, быстро приняли решение выкупить полностью одну комнату на десять кроватей. Так проще и безопаснее, чем каждому по отдельной брать, да и, скорее всего, дешевле. Вернувшись к администратору, говорю:

– Мы решили выкупить полностью комнату на десять кроватей.

– С этим нет проблем, заплатите за все десять кроватей, и она ваша.

– Хорошо, а как у вас с едой? А то в пути нам пришлось давиться сухомыткой и ужасно хочется нормально поесть.

– У меня нет кухни, но для таких случаев заключено соглашение с салуном. Вот, держите меню, как определитесь с выбором, скажите мне, и останется только дожидаться, пока вам в номер принесут ваш заказ.

Забрав простой лист А4 с написанным на нем меню, обсудив оплату и прочие мелочи, получаем ключи от своей комнаты, отправляемся на второй этаж. Найдя дверь с номером 7, открываем её и заходим внутрь, нашему взору предстаёт просторная чистая комната. Через большое окно с распахнутыми занавесками струится свет. Вдоль двух стен стоят ряды кроватей, в одном ряду по пять штук. Проход между ними упирается в большой стол, стоящий возле окна. По бокам от двери стоят два шкафчика для вещей. Абсолютно всё выполнено из дерева, имеет новый вид и непередаваемый запах свежей древесины.

Так чистенько, светло и уютно, интересно, почему люди отказались от деревянных домов, мне он очень понравился. Подойдя к кровати, поднимаю покрывало и смотрю что под ним. Чистая белая простынь на обычном ватном матрасе, подушка тоже обычная, набита перьями и с чистой наволочкой. Всё чисто и аккуратно. Мне понравилось.

Пока я рассматривал комнату и кровать, Кузьмич извлек из рюкзака бутылку водки и, водрузив её на стол, принялся изучать листок с меню. Подумав о еде, я невольно сглотнул образовавшуюся слюну и тоже направился к столу, посмотреть, что из еды можно заказать. Присев рядом с Кузьмичом за столик, смотрю, как он сосредоточенно читает, водя пальцем по строчкам и беззвучно шевеля губами. Прямо как третьеклассник, двоечник, которого учитель заставил читать вслух при всём классе. А потом мой взгляд упал на его палец, которым он водил по строчкам, ужаснувшись я спросил:

– Кузьмич, а ты точно ничего от нас не скрываешь?

Отложив меню, он стал морщить лоб и хмурить брови, явно пытаясь припомнить все свои косяки, за которые с него сейчас могут спросить. Либо косяков за душой у него не было совсем, либо же их было настолько много, что он не смог понять, о каком из них пойдет речь, поэтому он сделал недоуменное лицо и, подозрительно щури глаза, спросил у меня:

– Ты сейчас вообще о чем?

– О том, что, может, тебя недавно укусила тварюга, а ты сейчас сидишь и не знаешь, как нам сказать об этом.

В комнате повисла напряженная тишина. Все уставились на Кузьмича, а он сидел, зависнув с открытым ртом и выпученными глазами. Спустя минуту он отвис и дрожащим от волнения голосом ответил:

– Не кусали меня, что за бред, с чего ты это вообще взял, у меня что, виден укус?

Спросил он срывающимся голосом и, вскочив, начал себя осматривать, выворачивая шею в разные стороны и ощупывая себя руками в местах, которые не мог увидеть.

Выдержав паузу, заставляя старого алкоголика изрядно понервничать, отвечаю:

– Да я просто увидел твои когти, вот и спросил.

Кузьмич, прекратив себя щупать и разглядывать, с непониманием посмотрел на меня, потом поднеся руки к глазам, удивленно спросил:

– Когти?

– Да, именно. Ты когда по меню пальцем водил, я их увидел и прифигел. Ты когда их подстригал последний раз, еще в детском саду? Или тебя укусил новый вид мутантов, оборотень, например, и ты уже начинаешь обращаться?

Дослушав меня до конца, осознав, что я заставил его изрядно волноваться из-за неподстриженных ногтей и никакого укуса на его теле нет, Кузьмич заорал на меня матом, обвиняя в доведении до суицида и проблем с сердцем, глупости и бесчеловечности, плохом чувстве юмора и еще во множестве грехов, как смертельных, так и не очень. Словарный запас Кузьмича, особенно его матерная часть, поражала разнообразием, любо-дорого было слушать. Когда он дошел до противоестественного совокупления меня со стаей собак, Артём его прервал, поддержав меня:

– Заканчивай фонтаниговать своими извращёнными фантазиями и подстиги свои когти, а то тебя ненагоком пгистрелят, пгинав за обоготня.

Кузьмич прервал свой поток ругани, адресованный мне, отдышавшись, он ответил Артёму:

– Ты, картавый, не лезь не в своё дело, он меня напугал до усрачки, я уже правда подумал, что у меня укус на теле, который я не почуял, и жить мне осталось недолго! Уже мысленно со всеми попрощался, а я еще так молод! Столько дел не сделал, столько всего не выпил, кому оставить свои запасы, тебе? И вообще, какие, к чертям, оборотни, собрались тут сказочники.

– Я не понял, а чем я тебе не угодил, вогчун ты стагый? Значит, когда тебе надо, я твой дуг, а как гечь зашла о бухле, так хген тебе по всей могде, кагтавый? А чего бы не появиться обоготням, в зомби тоже никто не вегил, только им это не помешало.

– Конечно, ты мой друг, где я еще такого смешного картавчика найду, но твоя привычка разбавлять виски колой оскверняет мой разум.

– Ты свой газум пгопил ещё, навегное, во вгемена Советского Союза, закусывая тгойной одеколон сахагом.

Пока они перебранивались, я принялся изучать листочек с меню. Оно оказалось на удивление обширным. Салун предлагал пять вариаций первых блюд, обширное мясное разнообразие, отбивные из свинины, курятины, говядины, шашлыки, жаркое, бефстроганов, котлеты. Были также простые, но вкусные салаты, оливье с мясом вместо колбасы, с телячьим языком, телятина с медовой горчицей, гарниры из каш и картошки.

Если вариации блюд с мясом и курицей не вызвали у меня удивление, то обилие различных вариаций еды с мёдом было необычно. Откуда столько мёда? Не с коров же его надоили. Надо будет поинтересоваться, на будущее, для себя.

Пока я определялся с выбором, Артём всучил Кузьмичу щипчики для ногтей. Кузьмич сразу принялся с громкими щелчками отстригать свои когти. После того, как один фрагмент ногтя пролетел полкомнаты и ударил Витю по носу, Кузьмича изгнали в ванную комнату, обзвав неряхой. В наступившей тишине все, кто был в комнате, тоже прочитали меню и сделали свой выбор. Из ванной вышел недовольный Кузьмич, он тоже принялся выбирать себе еду из меню.

Записав все пожелания на листок, спускаюсь вниз и отдаю его администратору. Пробежавший по нему взглядом, он спросил:

– Большой заказ, к вам еще должны приехать люди?

– Нет, у нас один очень большой мальчик ест за пятерых.

– Да я заметил этого великана, его трудно не заметить! Ваш заказ сейчас передадут, но раньше, чем через час, его не ожидайте.

– Спасибо.

Поблагодарив администратора, возвращаюсь в свой номер. Сообщив всем, что пока будут готовить заказ, у нас есть час, чтобы привести себя в порядок, иду в ванную, купаться и бриться. Быстро освежившись и приведя себя в порядок, освобождаю ванную, чтобы все успели искупаться до того, как принесут еду. За столом Кузьмич и Витя, выпив по чуть водки, они обсуждали ранчо. Виктор говорил:

– Пока у нас мало данных, чтобы делать выводы, мы видели одну улицу и ворота с гостиницей.

– Да я тебе говорю! И так уже видно, чистый коммунизм, вот сам посудите: все работают на всеобщее благо, ударными темпами идёт стройка и? судя по всему, развивается животноводство. Только назвали все это не колхоз, а ранчо, и подстроили под современные реалии, без всякой цензуры, идеологической накачки и принуждения.

– Ну да, сейчас выживших не нужно удерживать и принуждать. Кто хотел половить рыбки в мутной воде, ушли сразу, а остальные, наоборот, сплотились. Но, еще раз повторю, пока для анализа мало данных, мы видели только ворота и эту деревянную гостиницу.

Закончив говорить, Витя встал из-за стола и отправился в душ. Вышедший из душа с мокрыми волосами Артём, первым делом подошел к своей новой винтовке и, любовно её погладив, спросил:

– Надеюсь, пока я купался, никто не лапал своими грязными гуками мою кошку?

Кузьмич, громко хлопнув себя ладонью по лбу, прикрикнул:

– Всё, картавый совсем сбрендил! Ты ещё имя своей винтовке не дал?!

– Еще нет, но обязательно дам, как только опделюсь с выбогом. Дело ответственное, это не твои муки выбога из сегии чего бы сегодня выпить, водку или гом, а, пожалуй, выпью и то, и другое. А у меня тут экзотическая кгасотка.

– Тьфу, дурак ты картавый, может, ты еще женишься на своей кГасотке? Интересно, что тебе жена скажет на твои причуды. Или я чего-то не знаю, ты принял мусульманство и у тебя есть место еще для двух жён или целого гарема? Мне тебя называть султан картавый?

– Ты с каждой бутылкой сам носишься, как с ггудным гебенком, и будешь мне тут еще мозги компостиговать. Это тебе не чекушка водки, а действительно гедкое и хогошее огужие. В такое и влюбиться не ггешно.

Проведя чуть больше часа за разговорами, мы дождались заказанную еду. Стол оказался полностью заставленным тарелками с разнообразными блюдами. Себе я решил заказать, особенно не мудрствуя, красный борщ со сметаной и свежееиспеченной лепешкой, на второе жареную картошку с грибами и купаты. Аромат горячей еды, стоявший в комнате, сводил с ума, вызывая обильное слюноотделение. Едва расплатившись с доставившими заказ парнями и выпроводив их за дверь, я, как дикий зверь, набросился на еду, с удовольствием глотая вкусный, обжигающий язык, борщ, предварительно дую на ложку. Все остальные не отставали от меня, усиленно орудовали столовыми приборами. Единственное, что не переставало меня еще удивлять во время обеда, – это здоровенная гора отбивных перед Берсерком и скорость, с которой она таяла.

Быстро прикончив первые блюда, утолив зверский голод, народ стал поглощать еду размеренно и неспешно. Кузьмич пару раз разлил всем по кругу бутылку водки, которая после дороги и под вкусную еду хорошо и вкусно пилаась. Покончив с едой и насытившись, решаем, пока светло, прогуляться, осмотреть поселение, а после посетить салун, и там уже, пропустив пару рюмок, завести знакомства и порасспрашивать людей о жизни тут.

Выйдя на улицу, мы пошли по центральной дороге, которая вела от ворот вглубь поселения, рассматривая уютные однотипные деревянные домики из дерева, которые выстроились

по обе стороны от дороги. Дома не пустовали и были заселены, скорее всего, люди в них заселялись сразу после того, как был вбит последний гвоздь, и начинали жить в новом просторном жилище. Не дурно, дома подобной квадратуры раньше далеко не каждая семья могла себе позволить. Однако нужно потом для себя уяснить, по какому критерию они выдаются. А то, может, это для верхушки ранчо, а простые люди эти дома будут видеть только проходя мимо.

Так, за раздумьями, мы прошли свежестроенные дома и оказались посреди большой строительной площадки, которая тянулась дальше, вдоль дороги, и жила своей жизнью, порождая людскую суету и различные громкие звуки, маты и смех. Ближайшие дома были почти достроенные, у одних оставалось только вставить оконные рамы и двери, у других, чуть дальше, доделывали крыши. Ещё дальше вдоль дороги стояли голые стены, за ними фундаменты, а после вообще котлованы под фундаменты и просто расчищенные площадки под начало строительства. Поселение разрасталось от ворот вглубь, а труд людей был довольно грамотно распределен и каждый делал свое дело, на определенной стадии строительства, не мешая другим. По моим наблюдениям, получалось быстро и практично, стены и крыши росли на глазах. Хотя, с учетом задействованного в строительстве народа, это было не удивительно. Люди сновали повсюду, как муравьи. Одни тащили оконные рамы, другие – двери, кто-то таскал бревна, кто-то доски. Было ощущение, как будто попал в гигантский муравейник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.